

КНИГА НОЧИ

18+

БЕСТСЕЛЕР *NEW YORK TIMES*

ХОЛЛИ БЛЭК

Freedom. Мировой бестселлер Холли Блэк

Холли Блэк
Книга Ночи

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Блэк Х.

Книга Ночи / Х. Блэк — «Эксмо», 2022 — (Freedom. Мировой бестселлер Холли Блэк)

ISBN 978-5-04-172997-4

Украсть можно все. Даже твою тень... Для Чарли Холл не существует замка, который она не смогла бы взломать. Книги, которую не смогла бы украсть. А по части принятия дурных решений она и вовсе профи. Полжизни Чарли провела, работая на сумеречников, магов, которые при помощи теней проникают в запертые комнаты, нападают на людей и даже совершают кое-что похуже. Сумеречники ревниво охраняют свои секреты, организовав целую подпольную сеть по торговле магическими артефактами. Но чтобы раздобыть невероятно ценную «Книгу Ночи», им нужна Чарли. Лучшая во всей Америке аферистка. Чарли теперь живет новой жизнью. Однако не так просто порвать с темным миром незаконной магии. Уже не говоря о том, что ее сестра, Поузи, отчаянно пытается получить магическую силу, а ее парень Вине, по-видимому, не обладающий ни душой, ни тенью, что-то скрывает. Когда Чарли сталкивается с человеком из своего прошлого, она понимает, что ее история в этом мире оживших теней, двойников, сумеречников и одиозных миллиардеров еще только начинается...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-172997-4

© Блэк Х., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
1	8
2	15
3	21
4	25
5	37
6	45
7	52
8	61
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Холли Блэк Книга Ночи

Holly Black
Book of Night
Copyright © 2022 by Holly Black

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Для всех, кто когда-либо приходил в новогоднюю ночь в мой дом

*За мною ходит по пятам моя малютка тень,
И с нею неразлучны мы изо дня в день.
Она похожа на меня, как братик мой родной.
Как только прыгну я в кровать – и тень передо
мною!*

«Моя тень», Роберт Льюис Стивенсон

Пролог

Любой ребенок может затеять игру в догонялки с собственной тенью. Всего-то и нужно, что в исполненный неги летний полдень побегать навстречу солнечным лучам – и тень кинется за ним. Если малыш повернется и попытается ее догнать, то, как бы споро он ни семенил пухлыми ножками, она всегда будет опережать его – не схватить.

Но у этого ребенка все по-другому.

Смеясь и визжа, он носится по поросшему одуванчиками двору, сжимая в пальчиках то, что и плотным-то быть не должно, не говоря уж о том, чтобы падать на ковер из клевера и росички прежде своего владельца или бороться с ним, самозабвенно пачкаясь в грязи.

Позднее, устроившись на прохладной мшистой подстилке под кленом, мальчик прижимает кончик перочинного ножа к подушечке безымянного пальца и отворачивает лицо, предпочитая не смотреть, что будет дальше. Ни первый, ни второй укол не вспарывают кожу. Лишь с третьей попытки, когда раздражение берет верх над страхом пораниться, ему наконец удается порезаться. Но выступившая бисеринка крови очень мала и несоизмерима с испытываемой болью, так что мальчику делается стыдно. Чувствуя, что тень становится все более нетерпеливой, он надавливает на палец, чтобы выжать побольше крови, и ему это удается. Ранку начинает покалывать, вокруг нее образуется темное облачко.

Налетевший ветерок стряхивает с веток семена клена, которые, спиралью закручиваясь в воздухе, пикируют на землю, точно вертолеты с половинкой винта вместо целого.

«Достаточно давать маленькую капельку каждый день, – вещает кто-то по телевизору, говоря о своей тени, – и будет у вас самый лучший в мире друг».

Хотя у тени нет ни рта, ни языка, и в прикосновении ее не ощущается влага слюны, мальчик чувствует, что она лижет его кожу. Ему не больно, но и приятного в происходящем мало.

Хоть прежде у него никогда не было теневого лучшего друга, все же он знает, что они так делают: припадают к источнику крови и, постепенно напитываясь ею, становятся единым целым со своим хозяином, так что и не различить, кто где. Вот и он очень нуждается в подобном компаньоне.

– Я Реми, – шепчет он своей тени. – А тебя буду звать Ред.

1

Голодные тени

Уродливые кроксы Чарли с хлопаньем прилипали к расстеленным на полу за барной стойкой коврикам. Подмышки у нее вспотели, в ложбинке у основания шеи также скопилась влага, внутренняя сторона бедер сделалась липкой. Сегодня ей «посчастливилось» работать две смены подряд, потому что парень, который должен был выйти после обеда, внезапно уволился, чтобы последовать за своим дружком в Лос-Анджелес, а замену ему Одетта найти не успела, вот Чарли и пришлось взять его часы.

Но какой бы усталой она себя ни чувствовала, деньги нужнее. Да и вообще, лучше делом заниматься – тем меньше схлопочет неприятностей на свою голову.

С Чарли Холл всегда – с самого рождения – что-то было не в порядке. Любая плохая затея в ее исполнении становилась в два раза хуже. Ее пальцы будто специально были созданы для того, чтобы нырять украдкой в чужой карман, а язык – для лжи. И вместо сердца у нее в груди высохшая вишневая косточка.

Будь ее тень магической, вероятно, сбежала бы прочь от такой хозяйки.

Но это не означало, что Чарли не могла хотя бы попытаться измениться. И она пыталась. В последние десять месяцев ей, конечно, непросто было сдерживать худшую сторону своей натуры, но все же это лучше, чем играть роль зажженной спички в городе, который успела основательно залить бензином.

У нее появилась работа – даже с табелем учета отработанного времени – и флегматичный парень, исправно вносящий свою долю арендной платы. Ее огнестрельное ранение отлично заживало. Успехи, конечно, невелики, но она и такими гордилась.

Именно на этой мысли Чарли подняла глаза и увидела живое испытание твердости своего характера, входящее через двойные двери лаунж-бара «Экстаз».

Лицо Дорин Ковальски покраснелось и от слез пошло пятнами, а тушь размазалась, несмотря на попытки кое-как поправить макияж. Будь они до сих пор в средней школе, эта девица не удостоила бы Чарли вниманием – да и теперь, похоже, не особо хотела этого делать.

Между богатыми людьми и теми, у кого ни гроша за душой, существует бесчисленное множество различий. Одно из них заключается в следующем: не имея средств для оплаты услуг специалистов своего дела, приходится активно задействовать полезных непрофессионалов. Например, когда у отца Чарли на плече обнаружили то, что доктор назвал раком кожи, он хлебнул добрый глоток бурбона «Мэйкерс Марк» и попросил своего друга-мясника срезать пораженный участок, потому что никак не мог позволить себе прибегнуть к услугам хирурга. А когда женился двоюродный брат подруги Чарли, изготовить свадебный торт попросили живущую в трех кварталах от бара миссис Сильву, потому что она любит печь и у нее полным-полно разных кондитерских насадок и прочих приспособлений. Пусть даже сливочный крем в ее исполнении был недостаточно хорошо промешан, а один из коржей подгорел, все же торт получился сладким и таким же высоким, как на фотографиях в журнале, а обошелся гораздо дешевле – по цене входящих в его состав ингредиентов.

В мире теневой магии Чарли Холл была успешной воровкой, но для местных всегда оставалась той самой полезной непрофессионалкой, готовой незаметно украсть обручальное кольцо или вернуть похищенного питбуля.

А еще она обладала поразительной способностью притягивать неприятности, как шерстяной свитер – моль. Стоило только оказаться в людской толпе – и худшая сторона ее натуры тут же являла себя во всей красе.

– Мне нужно с тобой поговорить, – во всеуслышание объявила Дорин, наклоняясь к проходящей мимо Чарли.

Вечер в баре выдался на редкость спокойным, но за столиком у входа, сплетничая со своими приятельницами, сидела Одетта, пожилая владелица заведения и по совместительству доминатрикс, почти полностью отошедшая от дел и сохранившая лишь несколько особо важных клиентов. Она непременно заметила бы, если бы Чарли слишком долго болтала с одним посетителем, а Чарли не могла себе позволить потерять место. Работа барменом в «Экстазе» поистине стала для нее счастливой случайностью, учитывая ее послужной список.

Устроил ее сюда Бальтазар, который держал в подвале теневого салон, действующий по принципу подпольного питейного заведения времен сухого закона, с той лишь разницей, что специализировался он на магических услугах. У него имелись веские причины присматривать за Чарли – не в последнюю очередь потому, что хотел снова заставить ее на себя работать.

Глядя на Дорин, Чарли ощутила знакомое внутреннее волнение – и вдруг отчаянно захотелось свернуть с выбранного прямого пути на кривую дорожку, которая сулила успех и прибыль, мигая множеством восклицательных знаков.

– Выпить хочешь? – спросила она Дорин, но та отрицательно покачала головой.

– Ты должна помочь мне найти Адама. Он снова исчез, и я...

– Не могу сейчас разговаривать, – поспешно перебила ее Чарли. – Закажи что-нибудь, чтобы отвлечь внимание моей начальницы. Например, горькое пиво с содовой. Или коктейль с клюквой и лимоном. Что угодно. Я угощаю.

Заплаканные, покрасневшие глаза Дорин красноречиво свидетельствовали, что она и без того уже немало времени провела в ожидании. Или что успела основательно принять на грудь, прежде чем явилась сюда. А может, и то и другое.

Один из завсегдатаев окликнул Чарли, и она повернулась к нему, чтобы принять заказ. Смешала в шейкере рубиново-красный «космополитен», перелила в бокал и украсила крошечным шариком сухого льда, от которого поднимался дым, как от зелья. Потом проверила, как дела у парня за соседним столиком – он потягивал пиво и дрожащими пальцами налеплял на внутреннюю сторону руки третий никотиновый пластырь, а просить счет не спешил.

Чарли налила шот «Четыре розы» парню в твидовом костюме и грязных очках, который, судя по виду, спал прямо в одежде. Однако он заявил, что ему не нравится, когда бурбон слишком сладкий. Затем сидящий в дальнем конце барной стойки Бальтазар призвал ее взмахом руки, требуя виски с имбирем.

– У меня есть для тебя работенка, – пробормотал он себе под нос.

Сверкающие глаза, светло-коричневая кожа и кудри, достаточно длинные, чтобы их можно было собрать в небрежный хвост, – таков был хозяин теневого салона, претворяющий в жизнь самые порочные мечты жителей города.

– Меня это не интересует, – тут же отозвалась Чарли, двигаясь дальше.

– Ой, брооось! Найта Сингха убили прямо в постели, а комнату перевернули вверх дном. И его личную записную книжку магических открытий прибрали к рукам, – крикнул Бальтазар вслед Чарли, не убежденный пока ее отказом. – Тебе в такого рода вещах нет равных.

– Я же сказала – нет! – как можно более веселым тоном бросила она в ответ.

К черту Найта Сингха.

Он был первым сумеречником, прибегнувшим к ее услугам, – еще когда она была совсем ребенком. Да пусть гниет в могиле – она и пальцем не шевельнет, потому что вышла из игры. Как бы хороша она ни была в своем деле, сопутствующий ущерб чересчур велик. Теперь она стала обычным человеком.

Три пьяных девицы с размазанной по губам черной помадой – на вид настоящие ведьмы! – отмечали этим будним вечером день рождения. Заказав по стопке дешевого неоновозеленого абсента, они дружно опрокинули его в себя и поморщились. Одна из них,

должно быть, недавно изменила свою тень и теперь намеренно сидела на свету, чтобы на стене проецировалось ее новое «я». У тени имелись рога и крылья, как у суккуба, – Чарли сочла ее очень красивой.

– Мамочка моя ее просто ненавидит, – слегка заплетающимся языком сообщила девица своим подружкам, после чего подпрыгнула и на мгновение зависла в воздухе, махая теньевыми крыльями. Несколько завсегдаев с восхищением оглянулись на нее. – Она, видите ли, считает, что когда я попытаюсь устроиться на настоящую работу, то пожалею об этом, ведь тень невозможно скрыть. А я ей ответила, что тем самым взяла на себя обязательство не продаваться за деньги.

Впервые увидев измененную тень, Чарли вспомнила сказку, которую читала в детстве в школьной библиотеке. Называлась она «Ведьма и невезучий братец». Начальные строки той истории сохранились в ее памяти по сей день:

«Когда-то давным-давно родился мальчик с голодной тенью. Он появился на свет под счастливой звездой, насколько это вообще возможно, в то время как все невезение досталось его близнецу, у которого вообще не было тени».

Но тени этой девушки удача определенно не улыбнулась, хотя, стоило признать, выглядела она эффектно и дарила своей владелице немного незначительной магии. Например, помогала оторваться от земли и на несколько секунд зависнуть в воздухе. Невысоко – дюйма на три. С помощью каблучков и то можно было бы вознестись повыше.

И сумеречницей тень девушку тоже не сделала.

Различными внешними манипуляциями с тенями занимались альтерационисты, которые из всех четырех разновидностей сумеречников были наиболее известны широкой общественности. Им по силам изменять форму теней и с их помощью пробуждать сильнейшие эмоции, зачастую вызывающие привыкание. Также альтерационисты могли вырезать кусочки из подсознания человека. Конечно, имелись и определенные риски. Иногда люди лишались гораздо большей части себя, чем рассчитывали и на что соглашались, заключая подобную сделку.

Другие разновидности сумеречников были более скрытными. Панцири, например, сосредотачивались на собственных тенях, используя их, чтобы парить в воздухе на теньевых крыльях или вооружаться теньевыми мечами и кинжалами. А кукловоды отправляли свои тени на тайные задания – настолько грязные и неприглядные, что о них не принято было даже упоминать. Немного лучше были и маски, кучка чокнутых мистиков, стремящихся разгадать загадки Вселенной, независимо от того, кто от этого пострадает.

Сумеречников иногда называли темноделами, и не без причины, поскольку им совершенно – ни на йоту – нельзя было доверять. Например, все они приторговывали украденными тенями, как бы яростно от этого ни отреклись.

Вот и у парня Чарли, Винса, украли тень, вероятно для того, чтобы какой-нибудь богатый ублюдок мог в третий раз переделать собственную. А Винс теперь вообще не отбрасывал тени, даже при самом ярком свете. Считается, что люди без тени неполноценные, лишены чего-то неосознанного, но очень важного. Вероятно, именно поэтому прохожие на улице иногда обходили Винса стороной.

Чарли дорого бы дала, чтобы и с ней поступали так же, но Винса, увы, подобное отношение расстраивало, поэтому она награждала пристальным взглядом любого, кто шарахался от ее парня.

Когда Чарли снова подошла к Дорин, та сказала:

– Я буду имбирный эль, чтобы успокоить желудок.

Украдкой посмотрев на Одетту, которая, казалось, всецело была поглощена болтовней со своими приятельницами, Чарли спросила:

– Ну, что у тебя стряслось?

– Сдается мне, Адам снова пустился во все тяжкие, – пожаловалась Дорин. Чарли поставила перед ней напиток и подала салфетку. – Его сотовый не отвечает, а тут еще из казино звонили. Если он не появится в понедельник, то может попрощаться с работой: его вышибут оттуда пинком под зад.

Чарли и Дорин никогда не были близкими подружками, но имели одинаковый круг общения, а давнее знакомство с кем-то иногда куда важнее взаимной симпатии.

Чарли вздохнула:

– От меня-то ты чего хочешь?

– Найди его и заставь вернуться домой, – попросила Дорин. – Может, стоит напомнить ему, что у него есть ребенок.

– Едва ли мне по силам, как ты выражаешься, «заставить» его, – возразила Чарли.

– Да ведь это из-за тебя Адам стал таким, какой он сейчас! – вспыхнула Дорин. – Соглашается на подработки, от которых одни неприятности.

– И в чем именно я виновата? – Чтобы чем-то занять руки, Чарли принялась протирать барную стойку.

– В том, что Бальтазар постоянно сравнивает его с тобой. Адам пытается соответствовать твоей дурацкой репутации. Но не все же такие прирожденные преступники.

Парень Дорин, Адам, был крупье в казино Спрингфилда, а на Бальтазара начал работать, выполняя различные его поручения, после того как Чарли завязала с прошлым. Похоже, Адам считал, что раз ему по силам разобраться с любым сомнительным дерьмом, происходящим за игровым столом в блек-джек, значит, и у темноделов красть сумеет. Чарли также подозревала, Адам не считал это трудной задачей – она же справлялась!

– Давай поговорим, когда у меня смена закончится, – со вздохом предложила Чарли, мысленно перебирая бесчисленные причины, по которым следует держаться от всего этого подальше.

Во-первых, она была последним человеком, которого Адам захотел бы видеть, – при любом раскладе. Во-вторых, барыша это ей не принесет.

Если верить слухам, заработанные у Бальтазара деньги Адам спускал на кайф. Это когда тень человека незначительно изменяли таким образом, чтобы ее владелец мог часами глядеть в пространство, обуреваемый потрясающими эмоциями. Адам, вероятно, валяется сейчас в гостиничном номере, отрывается. Ему определенно не требуется, чтобы Чарли тащила его домой, пока состояние блаженства еще длится.

Чарли посмотрела на Дорин, которая с самым разнесчастным видом сидела напротив нее за барной стойкой и поигрывала соломинкой.

Едва Чарли потянулась к сифону с газировкой, как раздался грохот, заставивший ее поднять глаза.

Затрапезного вида парень в твидовом костюме, тот самый, которому не по вкусу слишком сладкий бурбон, теперь стоял на четвереньках на пустой сцене, запутавшись в бархатном занавесе. А над ним навис один из головорезов из теневого салона, человек по имени Джоуи Эспиринс, который как будто решал, стоит ли пнуть его в лицо.

Бальтазар, также поднявшийся по ступеням на сцену, вопил:

– Совсем из ума выжил, да? Не стану я это никому толкать! Или ты хочешь представить дело так, будто «Liber Noctem»¹ украл я? Катись-ка отсюда к чертовой матери!

– Нет-нет, все совсем не так, – лепетал парень в твидовом костюме. – Солт отчаянно хочет вернуть хотя бы страничку книги. Он заплатит хорошие деньги...

Чарли вздрогнула.

¹ «Книга Ночи» (лат.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

После всего, что ей довелось увидеть и сделать, ее мало что могло встревожить. Однако произнесенного вслух имени Солта было вполне достаточно, чтобы лишить ее душевного равновесия.

– Заткнись и убирайся. – Бальтазар указал в сторону выхода.

– Что происходит? – спросила Дорин, но Чарли лишь головой покачала, наблюдая, как Джоуи Эспиринс подталкивает парня в твидовом костюме к дверям. Одетта поднялась из-за столика и стала что-то говорить Бальтазару, но ее голос был слишком тихим, так что не удалось расслышать ни слова.

Обернувшись, Бальтазар перехватил взгляд Чарли и, подмигнув ей, начал спускаться обратно в свой теневой салон. Ей следовало бы вопросительно вздернуть бровь или закатить глаза, но упоминание о Лайонеле Солте пригвоздило ее к месту. Прежде чем она успела как-то среагировать, Бальтазар скрылся из виду.

Вскоре после этого пришла пора закрываться, и посетителей попросили сделать последний заказ. Чарли вытерла стойку, загрузила в посудомоечную машину грязные стаканы и шейкеры. Потом пересчитала имеющуюся в кассе наличность, вычла стоимость выпивки Дорин из своих чаевых и добавила к остальным деньгам.

«Экстаз», стены и потолок в котором были выкрашены черной, поглощающей свет краской, а в воздухе был разлит тяжелый запах благовоний, считался заведением весьма необычным. В такие местные жители приходят, чтобы увидеть проблески магии или стать свидетелями каких-то из ряда вон выходящих событий – а то и просто пресытившись спортивными барами, где потчуют чайным квасом в разлив. Однако перед закрытием здесь неизменно совершаются одни и те же действия.

Большая часть персонала уже ушла к тому времени, как Чарли забрала из кабинета Одетты свое пальто и сумочку. Пока Чарли шагала к машине, поднявшийся ветер охлаждал ее вспотевшую кожу, напоминая, что уже поздняя осень, приближается зима и пора бы надевать на работу что-то более теплое, чем тонкое кожаное пальто.

– Ну? – протянула Дорин. – Хочешь, чтобы я совсем замерзла? Возьмешься за поиски Адама? Сьюзи Лэмбтон уверяет, что ей ты помогла, а ведь ты ее едва знаешь.

Чарли рассудила, что это, вероятно, не сильно ее обременит, да к тому же позволит наконец отделаться от Дорин. Если Адам и правда валяется где-то под кайфом, можно просто свистнуть у него бумажник, что заставит его быстро вернуться домой. Кстати, неплохо бы прихватить заодно и ключи от его машины, просто чтобы показать, что ей это по силам.

– Твой брат работает в университете, верно? В финансовом отделе?

Дорин прищурилась.

– Он представитель службы поддержки клиентов. На звонки отвечает.

– Тем не менее у него есть доступ к компьютерам. Слушай, не может ли он сделать так, чтобы у моей сестры появился еще один месяц на оплату счета? Заметь, я не прошу погасить ее долг, а лишь дать отсрочку.

Ознакомительный взнос, сборы за предоставление доступа к учебным сервисам и платформам и плату за подачу документов нужно было внести прежде, чем поступят деньги, полученные по студенческому кредиту на обучение. И это не считая необходимости обеспечить Пуози хоть каким-нибудь драндулетом, чтобы ездить в кампус и обратно, и учебниками.

– Не хочу, чтобы у него были неприятности, – чопорно заявила в ответ Дорин, как будто не она только что пыталась убедить преступницу найти ее парня, который также не отличался примерным поведением.

Чарли скрестила руки на груди и заняла выжидательную позицию. Наконец, Дорин медленно кивнула:

– Ладно, спрошу у него.

Такой ответ можно понимать по-разному!

Чарли открыла багажник своей насквозь проржавевшей «Тойоты Короллы». В его недрах валялись вперемежку коллекция одноразовых телефонов, спутанные соединительные кабели, старая сумка с отмычками и бутылка водки «Серый гусь», которую она взяла в баре по закупочной цене. Достав один из телефонов, она набрала код активации.

– Что ж, попробую кое-что предпринять. Проверим, клюнет ли Адам. Какой у него номер?

Про себя Чарли решила, что если он ответит, то она сделает то, о чем просит Дорин. Если нет, откажется. По сути, она просто искала предлог, чтобы снова с головой окунуться в неприятности. Это сравнимо с тем, как если бы она шагнула напрямиком в зыбучие пески, намереваясь проверить, засосет ее или нет. Тем не менее она набрала для Адама сообщение:

«У меня есть работенка тебе по плечу. Слышала, в таких делах тебе нет равных».

Если Адаму не хватает мотивации, ее лезть придется ко двору. Суть мошенничества как раз и заключается в игре на человеческих слабостях. А еще это извращенный способ приучить собственный мозг думать о других людях.

– Посмотрим, отреагирует ли он. И тогда... – начала было Чарли, но тут телефон пискнул. «Кто это?» – значилось в ответном послании.

«Эмбер, – поспешно набрала Чарли. Для своих афер она придумала целый ряд личин, некоторые из них так и остались невостребованными. Эмбер была среди них единственной сумеречницей. – Прости, что беспокою так поздно, но мне правда позарез нужна твоя помощь».

«Эмбер, это такая с длинными каштановыми волосами?»

Чарли уставилась на экран, пытаясь решить, не старается ли Адам ее подловить.

«А ты в самом деле столь хорош, как говорят».

Она добавила подмигивающий смайлик, понадеявшись, что двусмысленными фразами сумеет обойти любой из его вопросов.

– Поверить не могу, что он тебе пишет. И что там?

– Посмотри сама! – Чарли передала телефон Дорин. – Видишь? Он жив. С ним все в порядке.

Читая сообщения, Дорин прикусила ноготь.

– Ты не предупреждала, что собираешься флиртовать с ним.

Чарли в ответ закатила глаза.

На другой стороне стоянки Одетта, точно в кокон закутанная в огромную шубу, пробиралась к своему фиолетовому «Мини Куперу».

– Ты действительно думаешь, что сможешь выпытать у Адама, где он сейчас находится?

Чарли кивнула.

– Конечно. Могу даже лично туда заявиться и связать его, если хочешь. Но за это тебе придется оказать мне услугу покрупнее.

– По словам Сьюзи, просить тебя о помощи – все равно что вызывать дьявола. Он исполнит твое желание, а после заберет душу.

Прикусив губу, Чарли посмотрела на уличный фонарь.

– Как ты верно заметила, я едва знаю эту Сьюзи. Возможно, она имела в виду кого-то другого.

– Возможно, – согласилась Дорин. – Но, судя по твоим прежним поступкам – а люди разное болтают, – ты на кого-то сильно зла.

– Или у меня просто весьма своеобразное представление о развлечениях, – подхватила Чарли. – Что значительно усложнило бы дело, ты не находишь? Раз уж я оказываю тебе дружескую услугу, могла бы хотя бы из вежливости не упоминать о моем прошлом.

Дорин устало вздохнула, как частенько делают матери маленьких детей.

– Да. Конечно. Просто верни его домой, пока он не стал таким же, как ты.

Проводив Дорин взглядом, Чарли села в свою «Короллу» и пристегнула ремень безопасности. Она изо всех сил старалась не думать о предложенной Бальтазаром работе и о том, кем она была раньше. Вместо этого она пыталась сосредоточиться на лапше, которую приготовит, как только вернется домой. Надеялась, что сестра покормила кошку. Потом ее мысли обратились к ожидающему на полу в спальне матрасу – и к Винсу, который, как обычно, запутался ногами в простынях, да так и заснул.

Чарли вставила ключ в замок зажигания, но автомобиль не завелся.

2

Перевернутый король кубков

Сколько бы раз Чарли ни поворачивала ключ зажигания и ни била кулаком по приборной панели, двигатель не желал подавать признаков жизни. Наконец она сдалась и вышла из машины.

Ветер воронкой закручивался по Коттедж-стрит, обжигая щеки, бросая волосы в лицо. Переминаясь с ноги на ногу на стоянке «Экстаза» рядом с «Короллой», Чарли пыталась решить, что делать дальше. Вызов эвакуатора обойдется совсем недешево. Она совсем было собралась позвонить Винсу или даже вызвать такси, но вместо этого достала из багажника бутылку водки и, запрокинув голову, пару раз угрюмо отхлебнула прямо из горлышка, глядя на небо и жалея себя.

Те немногие листья, что еще оставались на ветвях деревьев, побурели, поникли и напоминали спящих летучих мышей.

Какая-то машина притормозила у знака «стоп». Выкрикнув в окошко непристойное предложение, водитель снова нажал на газ. Чарли в ответ показала ему средний палец, но он едва ли заметил.

Что ж, ей приходилось слышать фразочки и позабористее. Она всмотрелась в свое отражение в стекле и увидела темные волосы, темные глаза – и все остальное: грудь, ягодицы, живот, бедра. Зачастую люди вели себя так, словно воспринимали ее женственные изгибы как призыв к действию, забывая, что вообще-то всем и каждому с самого рождения приходится существовать в телесной оболочке, которую нельзя отбросить прочь, будто надоевшую пару туфель, или изменить, как тень.

Очередной порыв ветра взметнул в воздух горстку сухих листьев, хотя в большинстве своем они слипшейся массой лежали по краям дороги.

Тут Чарли пришла в голову блестящая идея отправиться домой пешком. Каких-то полторы мили, подумаешь! Пустячное расстояние, вполне можно прогуляться.

Но не для того, кто весь день – и большую часть ночи вдобавок – провел на ногах. «Храбр тот, кто во хмелю», – слишком поздно вспомнила Чарли известную присказку.

Она прошла мимо неосвещенного книжного магазина с осенней композицией в витрине: тыквы с вырезанными ртами, скалящими пластиковые вампирские клыки. Гниение пока почти не коснулось их оранжевых боков, а рядом расположились романы ужасов и традиционные жевательные конфеты «кэнди корн».

Окна всех домов были забраны ставнями. Зябко кутаясь в свое тонкое пальто, Чарли с сожалением думала о том, что Истгемптон не похож на соседние студенческие городки – Нортгемптон или Амхерст, – где было достаточно шатающейся по ночным улицам подвыпившей молодежи, оправдывающей наличие хоть одной круглосуточно открытой пиццерии или кофейни для любителей всюду успевать и многого достигать.

Царящая вокруг тишина оставляла Чарли слишком много времени для размышлений.

Шагая в одиночестве по темной улице, она никак не могла выбросить из головы сказанное Дорин: «Судя по твоим прежним поступкам – а люди разное болтают, – ты на кого-то сильно зла».

Она в сердцах пнула ногой расшатавшийся камень.

В детстве, помимо копны черных волос и карих глаз, Чарли отличалась также и скверным характером и попадала в одну передрагу за другой. Попутно она поняла, что наделена способностью детально анализировать и ситуацию, и людей. Ей нравилось докапываться до сути, выяснять, что тот или иной человек скрывает, – и становиться тем, во что они верили.

Ее мысли снова вернулись к Адаму. Что ж, вреда не будет, если она доведет дело до конца. Заодно отвлечется от гнетущей ночной обстановки.

Чарли выудила телефон и набрала сообщение:

«В «Коллекции редких книг Мортимера» в Колледже Смита есть один том, в котором, я уверена, содержится нечто важное. Могу тебе заплатить. Или, если хочешь, договоримся об услуге за услугу».

Сумеречники постоянно охотились за старинными книгами, в которых подробно описывались методы манипулирования тенями, даже убивали друг друга из-за них. Она предлагала Адаму непыльную работенку.

Он просто обязан клюнуть.

Сама Чарли на протяжении десяти лет занималась кражами то для одного сумеречника, то для другого. Она добывала им книги, свитки, а иногда и кое-что посерьезнее. И все это время скрывала свою личность, держалась в тени, время от времени для отвода глаз работала в ресторанах и барах и использовала Бальтазара в качестве посредника. Чуть больше года назад она внесла залог за дом и сумела убедить Поузи поступать в колледж.

А потом сама все испортила.

Иногда Чарли казалось, что внутри у нее имеется печь, в которой никогда не переставало пылать жаркое пламя. Еще год назад она могла бы играючи превратить все вокруг в пепел.

Адам не ответил. Может быть, он спит. Или под кайфом. Или просто не заинтересовался ее предложением.

Пряча одноразовый телефон обратно в сумку, Чарли краем глаза заметила тень, плавно скользящую от одного здания к другому. Это обстоятельство тут же отвлекло ее от воспоминаний о прошлом, но не в хорошем смысле.

О бродящих по свету бестелесных сущностях люди рассказывали такие же страшилки, как и о Слендермене или девушке с пауками в щеке, но Чарли было отлично известно, что мраки – не просто выдумки. Они возникали, если сумеречник умирал, а его тень оставалась на земле. Мраки вполне реальны и очень опасны. Воздействовать на них можно только ониксом либо огнем, и все на этом, – если, конечно, вы сами не являетесь сумеречником.

Зазвонил ее настоящий телефон, и Чарли, вздрогнув, вернулась мыслями в настоящее. Пришло сообщение от Винса:

«Все в порядке?»

«Скоро буду», – написала она в ответ и подумала, что следовало бы позвонить ему раньше, еще из «Экстаза». Тогда он приехал бы за ней и отвез домой. Для него в этом не было ничего особенного, но самой Чарли не хотелось от него зависеть. Потому что, когда он уйдет, станет только хуже.

От того места, где пруд Нашаваннак соединялся с прудом Резиновая Нить, – прямо напротив заброшенного мельничного комплекса, – донесся звук. Там определенно кто-то есть!

Чарли зашагала быстрее, сунув руку в карман и нащупав рукоятку складного тактического ножа, прикрепленного к ключам. Лезвие оставалось острым, несмотря на то, что с его помощью она вскрывала коробки с хлопьями и соскребала мастику со старых окон. Однако она представления не имела, как воспользоваться им для самозащиты. Как бы то ни было, рукоятка выполнена из оникса, а значит, способна ослабить тени.

Чарли заметила в переулке какое-то движение и в свете фонаря, горевшего над дверью одного из магазинов, различила кучу грязной одежды, белые кости и пятна крови на стене. Напрягшись всем телом, чувствуя, как тревожно засосало под ложечкой, она остановилась, стараясь осмыслить увиденное. Мозг услужливо подбрасывал разные варианты того, что это могло бы быть: выброшенный за ненадобностью реквизит из дома с привидениями, манекен, животное.

Но нет, останки были человеческими. Кто-то разодрал одежду и вспорол плоть, будто отчаянно пытался добраться до внутренностей своей жертвы. Чарли подошла ближе. Холод частично притуплял запах, но в воздухе все же чувствовалась могильная сладость. Голова мужчины была повернута набок, глаза открыты и остекленели. Грудная клетка разбита и частично выворочена, и из месива плоти, точно стволы берез, торчат зазубренные бледные кости.

У стены снова что-то замельтешило. Оказалось, что это развеваются на ветру клочки разорванной тени – совсем как ветхое белье на веревке. Налети порыв посильнее – и унесет прочь. А ведь этой тени надлежит быть столь же неподвижной, что и труп ее хозяина!

Лицо мужчины было так обезображено смертью, что узнать его Чарли смогла только по твидовому костюму, настолько мятому и грязному, будто его не снимали даже на время сна. Это же тот самый парень, которого Бальтазар вышвырнул из «Экстаза»! И который предложил продать Солту что-то, изначально ему и принадлежавшее.

Не далее как пару часов назад она ставила перед ним бурбон «Четыре розы», а теперь...

С противоположного конца переулка донесся какой-то звук, и Чарли резко вскинула голову, судорожно втянув носом воздух. На нее пристально взирал какой-то мужчина в длинном темном пальто и шляпе. У него были черные бездонные глаза, а с руками творилось что-то странное.

Очень странное.

Они целиком состояли из тени, вплоть до покрытых шрамами запястий.

Незнакомец направился к Чарли, чеканя шаг по асфальту. Инстинкт самосохранения велел ей немедленно убежать, а разум советовал замереть на месте, потому что бег лишь распалит желание хищника броситься в погоню. Она что же – в самом деле драться собралась? Нож у нее в руке вдруг показался до смешного маленьким, немногим лучше маникюрных ножниц.

В отдалении завывли сирены.

Услышав которые, мужчина остановился. Некоторое время они с Чарли смотрели друг на друга поверх лежащего на земле трупа, затем незнакомец отступил назад, скользнул за угол и скрылся из виду. От страха у Чарли закружилась голова, хмель разом выветрился.

Заставляя себя двигаться, она, спотыкаясь, вышла из переулка и быстро зашагала к «Юниону». Если прибывшая на место происшествия полиция обнаружит ее рядом с телом, то не оберешься вопросов – и вряд ли копы поверят рассказу о каком-то парне с тенями вместо ладоней. Особенно из уст Чарли, которую еще до достижения восемнадцатилетнего возраста дважды привлекали за мошенничество.

Ноги несли ее вперед, а голова шла кругом. С тех пор как двадцать лет назад в Боксфорде случилась резня и мир узнал о существовании сумеречников, Западный Массачусетс ими кишмя кишел. Ну прямо Силиконовая долина магии теней!

Начиная от Спрингфилда с его закрытыми оружейными заводами и заключенными особняками до университетов и колледжей, своеобразных ферм в горных городках, загрязненных рек и болотистой красоты водохранилища Кваббин, Долина казалась весьма привлекательной из-за своей дешевизны и удачного расположения – достаточно близко как к Нью-Йорку, так и к Бостону. Кроме того, тут всегда очень терпимо относились ко всякого рода чудачествам. Где еще вы найдете коз, используемых для стрижки газонов, или оружейный клуб, проводящий ежегодную ярмарку в стиле Возрождения? Отправившись на короткую пешую прогулку, здесь вполне можно купить каркас кровати восемнадцатого века, изготовленный вручную горшок в форме вагины или даже дурь у ошивающегося на автобусной станции парня.

В наши дни ко всему вышеперечисленному можно добавить еще и посещение теневого салона, альтерационисты которого без труда избавят вас от любого порока – или помогут погрузиться в новый. Например, стремительно росло число желающих покайфовать. Чем больше в мире становилось сумеречников, тем большие изменения претерпевали города – сдерживающего оникса на всех не напасешься!

Как бы то ни было, убийство парня в твидовом костюме казалось исключительно ужасным. Кто бы ни был к этому причастен, он должен был обладать невероятной силой, чтобы расколоть тело человека, как скорлупу грецкого ореха.

Чарли сунула дрожащие руки поглубже в карманы. Привычный маршрут вдруг сделался пугающим, полным зазубренных теней, перемещающихся с каждым порывом ветра. Ей показалось, что она учуяла запах тухлого мяса.

Едва смея дышать, она миновала еще два квартала и, наконец, оказалась на своей подъездной дорожке.

Привычно звякнул колокольчик над дверью, когда Чарли вошла в уродливую желтую кухню съемного дома. В раковине стояла сковорода и две грязные миски, а рядом с микроволновкой – тарелка, накрытая другой, – ее с надеждой обнюхивала их кошка по кличке Люси-мурр.

Винс обнаружился в гостиной; он спал перед негромко бубнящим телевизором, раскинув свое большое тело на обшарпанном диване. У него на животе лежала книга в мягкой обложке. При виде его на Чарли накатило чувство тоски – неприятное ощущение, когда скучаешь по кому-то, кто пока тебя не оставил.

Ее взгляд устремился туда, где должна была быть его тень, но наткнулся на пустоту.

Еще при первой встрече Чарли отметила, что с Винсом что-то не так: он как будто был немного не в фокусе, размытым по краям. Может быть, ее отвлекло то, что она сама была пьяна, или, что в отличие от прочих парней, которых влекло к ней, этот был чисто выбрит и в целом имел весьма презентабельный вид. Только когда она увидела его на следующее утро – он стоял в дверном проеме, и свет, казалось, струится прямо сквозь него, – она поняла, что у него нет тени.

А вот Поузи сразу обратила на это внимание.

Сейчас сестра сидела на потертом сером ворсистом ковре и, разложив перед собой карты, прищурившись, пялилась в экран ноутбука, где двигалось какое-то зернистое изображение. Одета она была в ту же пижаму с потертыми засаленными манжетами, что и когда Чарли уходила. И без лифчика. Свои светло-каштановые волосы Поузи завязала небрежным узлом на макушке. Единственным украшением, которое она носила не снимая, было кольцо с чередующимися золотыми и ониковыми секциями. Общаясь с клиентами по «зуму», Поузи никогда не включала свою камеру, поэтому и наряжаться ей надобности не было.

Возвращения Чарли она, наверное, даже не заметила, продолжая читать карты Таро своим размеренным и весьма профессиональным голосом:

– Девятка жезлов, перевернутая. Она символизирует безмерную усталость. Стремясь отдавать всю себя без остатка, вы в конце концов обнаружили, что исчерпали все силы...

Ее собеседница, должно быть, принялась изливать душу, потому что Поузи замолчала, не договорив, и стала слушать.

Когда сестры были маленькими, мать частенько посещала экстрасенсов – и их с собой таскала. Чарли помнила, как пялилась на пыльные бархатные подушки и занавески из бисера в гостиной дома вдали от шоссе, и лежащую у нее на коленях голову Поузи, пока маме плели очередную ложь о ее будущем.

Однако их матери нужно было с кем-то поговорить, пусть ее и обманывали раз за разом, – никому другому она открываться не хотела. Экстрасенсы, медиумы, гадалки выступали в качестве психологов для тех, кто не готов признать, что нуждается в помощи. Они являлись кем-то вроде волшебников для людей, отчаянно нуждающихся в капельке магии, – до того как магия стала реальностью.

Хотя Чарли не верила, что у Поузи есть способности, не сомневалась, что в лице ее сестры клиентки обретали того, кто относится к их проблемам серьезно и искренне хочет помочь. А

они в ответ подписывались на нее на «Патреоне» и делали пожертвование в пятьдесят долларов.

Чарли вернулась в кухню и, сняв верхнюю тарелку с нижней, обнаружила, что Винс приготовил тако с яйцом, положив сбоку нарезанный дольками авокадо, сдобренный соусами табаско и шприрача. Судя по посуде в раковине, он приготовил то же самое и для Поузи. Сидя на кухне за ржавым складным столом, Чарли жевала свою порцию и слушала, что вещает сестра:

– Король кубков, тоже перевернутый. Вы умная женщина, но, тем не менее, иногда совершаете необдуманные поступки.

Чарли содрогнулась – это уходили остатки адреналина. Пришлось на мгновение отложить вилку и сделать несколько прерывистых вдохов. Она попыталась сосредоточиться на голосе сестры и на знакомой истории, которую та рассказывала.

У большинства людей, просивших Поузи сделать расклад на картах Таро, имелись проблемы на любовном фронте. Некоторые хотели узнать, есть ли у них шанс понравиться конкретному человеку. Другие – одинокие – мечтали услышать подтверждение, что в том нет их вины. А чаще всего обращались те, у кого разладились отношения со второй половинкой: эти либо нуждались в заверении, что страдания их оправданны, либо, наоборот, в благословении на разрыв.

Мать Чарли и Поузи тоже чаще всего ходила советоваться о делах сердечных. Для женщин семейства Холл состояние влюбленности было сродни падению со скалы. Они были катастрофически не способны выбрать достойного мужчину, словно пребывали под действием некоего наследственного проклятия, которое было наложено на них с тех пор, как бабушка вышла замуж за одного ужасного парня. Она и по сей день отбывает заключение за то, что в конце концов пустила ему пулю в затылок, пока он смотрел телевизор, развалившись в кресле. Потом проклятие перекинулось на маму, которая, посадив дочерей на заднее сиденье своей «Киа» и велев им не шуметь, колесила по округе в попытке поймать своего благоверного – их отца – на измене. Какое-то время спустя у девочек появился отчим, но все снова закончилось плачевно – он сломал Поузи запястье. Это наваждение не обошло стороной и саму Чарли, чей бывший парень, погрязший в карточных долгах, убедил ее подавать налоговые декларации за умерших людей и забирал себе полученные деньги. Поузи любила повторять, что, чтобы влюбить в себя женщину из рода Холл, парню достаточно иметь дыру в голове, сердце или кармане.

Возможно, это соответствовало действительности, и в мужчине в самом деле должно было чего-то не хватать, чтобы разбудить в Чарли желание заполнить эту пустоту собой, исцелить, подобно эликсиру. Или, наоборот, она стремилась найти родственную душу в том, кто тоже что-то потерял.

Винс был парнем надежным. Крепким, трудолюбивым. По тому, сколь неохотно и с запинками он рассказывал о своих родственниках, нетрудно было заключить, что вспоминать прошлое ему неприятно, но Чарли, привыкшая ловить мельчайшие намеки, о многом догадалась сама. Мозоли на его руках появились сравнительно недавно, а идеально ровные зубы явно были результатом ношения брекетов. Винс знал все то, чему обычно обучают в колледже, и не имел никаких долгов. Напрашивался логичный вывод, что родом он был из состоятельной семьи.

Чарли не переставала гадать, не отвернулись ли они от него после того, как он лишился своей тени? Предприняв несколько попыток расспросить его об этом и неизменно получая уклончивые ответы, она оставила тему. В конце концов, не очень-то ей и хотелось слушать истории о лучшей жизни, от которой Винс теперь далек, как никогда.

Он-то был готов закрывать глаза на истинную суть Чарли Холл, которая как магнитом притягивает к себе неприятности и временами поддается приступам мрачной меланхолии, во время которых не хочется даже вставать с постели. И которая долгие годы пыталась избавиться от бесконечной круговерти мыслей посредством неумеренных возлияний, череды интрижек и

ограблений. Говорят, что лишенный тени человек не способен испытывать эмоции столь же полно и глубоко, как обычные люди. Может быть, именно поэтому Винса и не беспокоит то, кто она на самом деле такая и что натворила.

Находясь дома с Винсом, Чарли пыталась быть одновременно и той, кто рассказывает историю, и героиней этой самой истории – девушкой, оставившей мошенничество в прошлом. Той, кому с тех пор ни разу не приходилось бороться с желанием свернуть с пути истинного.

И пусть Винс был чересчур внимательным слушателем, который, как Чарли зачастую подозревала, различал и ее боль, и стремление дикой, звериной части ее натуры сорваться с поводка. По крайней мере, он ее не отталкивал.

– Эй! – окликнула Чарли, теребя Винса за ногу. Она хотела, чтобы он лег с ней в постель, хотела чувствовать его дыхание в своих волосах и ощущать вес его руки, обнимающей ее. Это помогло бы ей отвлечься от мыслей о белеющих костях, засыхающей крови – и о мужчине с тенями вместо рук.

Винс открыл глаза, потянулся. Выключил телевизор. Подобно многим высоким мужчинам, он имел привычку немного сутулиться, пытаясь тем самым казаться менее устрашающим.

– Ты нашла еду, которую я для тебя оставил? – спросил он, проходя в спальню и проводя кончиками пальцев по ее спине. Она содрогнулась от желания, вдохнув запах отбеливателя, который льнул к его коже даже после работы.

– Ты хороший парень, – отозвалась она, и он улыбнулся в ответ, смущенный, но довольный.

Винс исправно оплачивал счета, выносил мусор и был добр к кошке. Даже если он и мечтал о другой жизни, то сейчас все равно был с Чарли. И не важно, что у него на сердце – как, впрочем, и у нее тоже.

3

Взгляд в прошлое

Когда Чарли было тринадцать, она объявила матери, что ей является гостья из прошлого. Эта задумка возникла не на пустом месте. Мама, которая тогда только что развелась, живо интересовалась гаданием и хрустальными шарами. Кроме того, у нее была подруга, получавшая «послания от ангелов». Вот Чарли и стала уверять, что с ней – а потом и через нее – начал говорить дух ведьмы, замученной инквизицией.

Вспоминая то время теперь, Чарли не могла не признать, что затея была так себе. Но иначе мама вообще не стала бы ее слушать, а ей отчаянно требовалось привлечь внимание родительницы.

Тогда-то она и придумала Эльвиру де Гранадю – персонажа, основанного наполовину на аниме, что смотрела по телику поздно ночью, а наполовину на ерунде, вычитанной в дешевых книжках ужасов, которые продавали в любом супермаркете. Как бы то ни было, Эльвира могла высказать все то, что не позволялось Чарли Холл, выплеснуть наружу долго сдерживаемую ярость, переполнявшую и без того израненное сердце.

Проблема заключалась в том, что маму нужно было обязательно – во что бы то ни стало! – убедить в том, что ее новый муж был плохим парнем, – и сделать это быстро. Трэвис с его подленькой натурой в самом деле ненавидел Чарли и Поузи.

Но глупым он отнюдь не был. Однажды, когда мама отлучилась из дома по делам, он ударил Поузи – ни за что, просто потому, что она скакала по комнате, раздражала его и отказывалась вовремя ложиться спать. Позже, вместо того чтобы умолчать о случившемся, он заявил, что это Чарли стукнула сестру, а Поузи ее прикрывала.

Чарли, конечно, наказали. И Поузи тоже – за вранье.

Трэвис же уверовал в собственное могущество и стал убеждать жену в необходимости установления жестких рамок для детей, из которых родной отец воспитал «чертовых преступниц». Якобы они пронырливые, плетут небылицы, чтобы привлечь к себе внимание, и даже воруют деньги у него из бумажника. Если мама в ближайшее время ничего не предпримет, они вовсе перестанут ее уважать и, скорее всего, окончат свои дни за решеткой.

Когда Трэвис ударил Чарли, она даже не пыталась пожаловаться маме.

Мысль о том, что ее дочь может быть медиумом, привела маму в восторг. Она была поражена, когда Чарли рассказала ей некоторые сведения об их родственниках. Сначала это были сохранившиеся в памяти обрывки воспоминаний или подслушанных разговоров, а потом и вовсе выдуманная откровенная ложь. Чарли рассудила, что раз люди мертвы, то и опровергнуть ее слова некому.

Но даже Эльвире де Гранаде было не по силам открыть матери Чарли глаза на истинное лицо Трэвиса. Та просто решила, что Эльвира озлоблена и никому не доверяет из-за того, что ее замучили до смерти. Тогда Чарли придумала нового персонажа – колдуна Алонсо Ньето. В отличие от Эльвиры, его не просто обвинили в чернокнижии, он сам признался, что занимается магией.

Как оказалось, мужчины, даже вымышленные, обладают куда большей властью, чем женщины.

Маме нравилось разговаривать с Алонсо. Чарли считала, что Эльвира вышла у нее довольно убедительно, а в случае с Алонсо маму и убеждать не пришлось – она сама хотела верить.

Все же Чарли понимала, что нужно соблюдать осторожность. Если колдун Алонсо действительно собирался заставить маму бросить Трэвиса, ему надлежало предоставить конкретные доказательства.

На руку Чарли играло то, что истинная гнилая натура Трэвиса наконец начала проявляться во всей красе. Когда мама только-только вышла за него замуж, он заливался соловьем, уверяя, какая она идеальная и как замечательно они заживут, но продолжать в том же духе до бесконечности не мог. Теперь, когда они ругались, он непременно отпускал язвительные замечания о мамином весе и недалекости ее ума. Цветы и свидания сошли на нет, как и вклад Трэвиса в семейный бюджет.

Чарли понимала, что удобная возможность сама плывет ей в руки, но все же нуждалась в помощи. Поэтому она посвятила в свой замысел младшую сестру.

Прежде предсказания Эльвиры и Алонсо сбивали Поузи с толку, а одержимая духами сестра пугала. Тем не менее она радовалась, что хоть кто-то говорит гадости о ее ненавистном отчиме. Теперь же, узнав, что Чарли всего лишь играла в игру, она изменила свое отношение к происходящему.

Профессиональные экстрасенсы обычно специализируются на одном из двух типов считывания информации о клиенте, хотя в то время сестры этого не знали. Первый вид был так называемым холодным чтением – тем, что Поузи впоследствии станет делать по телефону, на ходу придумывая сведения, основанные на том, что говорил ей собеседник. Второй вид чтения был горячим.

Во время холодного чтения экстрасенс обращает внимание на многие вещи: как часто клиент бросает взгляд на свой телефон, есть ли на его пальце бледный участок кожи, оставшийся от долгого ношения обручального кольца, насколько новая у него обувь, набиты ли татуировки – и поблекшие они или яркие. Однако, работая по телефону, экстрасенсу приходится полагаться исключительно на выбор собеседником слов, его акцент и то, насколько он взволнован. Искусный в холодном чтении экстрасенс способен помочь клиенту расслабиться и начать выдавать требуемую информацию.

Горячее чтение требовало иного подхода, а именно необходимости заранее узнать о человеке нужные сведения. Некоторые знаменитые медиумы даже устанавливали «жучки» в залах, где выступали, чтобы послушать, о чем говорят зрители во время антрактов, или подсылали для этой цели своих помощников.

Именно горячим чтением Чарли и намеревалась заняться.

Вместе с Поузи они обыскали карманы Трэвиса, выяснили пароль от его компьютера и просмотрели историю его браузера, электронную почту и сообщения в «Фейсбуке»². Они даже обнаружили его тайник с порнографией, которая, хоть и была омерзительной, не содержала ничего провокационного, что могло бы его потопить. Как оказалось, Трэвис не имел связей на стороне – даже ни с кем не флиртовал – и не был замечен в растрате денег. Такой вот злой, но скучный дядька.

Хотя Чарли не очень хорошо училась в школе и была давным-давно причислена к разряду тех, кто никогда не поступит в колледж, она много читала и отличалась умом и наблюдательностью.

К несчастью, даже лучшие умы время от времени совершают глупейшие ошибки.

Чарли решила, что, поскольку не смогла найти на Трэвиса никакого компромата, нужно создать его самой. Она завела новую страницу в «Фейсбуке» с его именем и фотографией и начала флиртовать с женщинами, как если бы это делал он. А потом и вовсе перешла на обмен

² Деятельность социальной сети Facebook / Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

текстовыми сообщениями посредством одноразового телефона. Необходимость часть времени притворяться Трэвисом, а часть – Алонсо невероятно ее утомляла.

Особенно расстраивало то, что на самом деле она по-прежнему оставалась Чарли Холл, девчонкой, которой задавали кучу домашней работы по математике. Потому-то она с такой готовностью и примеряла на себя личины других людей, могущих свободно выражать свои мысли – она и не подозревала, что вообще на такое способна.

Хоть Чарли и удалось подделать доказательства, она все равно не питала уверенности, что этого будет достаточно, чтобы убедить маму. Тогда она привлекла в сообщницы Поузи. Чтобы продемонстрировать могущество Алонсо, сестре вменялось в обязанность включать свет в той части квартиры, где в данный момент никого не было, зажигать плиту и оставлять мелкие вещицы там, где они могли бы попасться маме на глаза. Чарли с Поузи даже стали организовывать спиритические сеансы, которые пользовались огромной популярностью в Викторианскую эпоху.

Также Чарли прибегла к еще одному мощному средству обмана: Алонсо принялся уверять маму в том, какая она важная, особенная, избранная. В подробности он не вдавался, но это не имело значения.

Очень скоро мама попалась на крючок. Временами Чарли казалось, что мама чересчур увлеклась мифическим Алонсо и с ним готова была общаться куда охотнее, чем с собственной дочерью, которую воспринимала всего лишь как удобный канал связи.

После очередной стычки – Трэвис накричал на Чарли, веля убраться в комнате, а когда она так и сделала, остался недоволен результатом, да еще и разорвал надвое ее экземпляр «Ходячего замка» – она решила, что время пришло. Три дня спустя Алонсо велел маме заглянуть в бардачок машины Трэвиса, куда Поузи заранее подложила одноразовый телефон.

После этого события начали развиваться очень быстро.

Мама прочитала сообщения на телефоне, увидела, какие обещания мнимый Трэвис давал другим женщинами и какие ужасные вещи рассказывал им о ней самой. Трэвис, разумеется, все отрицал, сильнее и сильнее распаляясь оттого, что ему не верят.

«Хреново быть тобой», – с удовлетворением подумала Чарли, вспоминая, сколько раз мать принимала его сторону, а не собственных дочерей.

Несмотря на то, что с деньгами стало туго, как никогда, Чарли радовалась и переезду в новую маленькую квартирку, и тому, что мама подала на развод. При этом содеянное ее страшило. Осознание того, что совершила столь громадное предательство – если мама узнает, то, вероятно, никогда не простит, – тяжело давило на грудь.

Кроме того, Чарли оказалась не готова к высказанному матерью пожеланию представить Алонсо своим друзьям и попросту отказалась от встречи с ними. С плачем она уверяла, что не хочет этого, что ей больше не нравится позволять Алонсо вещать через нее.

Чарли вступала в пору взросления. На три четверти она еще оставалась ребенком, но уже сделала шаг в сторону юношества. Ее сны превратились во вращающийся калейдоскоп образов. Она видела себя на съемочных площадках телешоу, пила коктейли, по виду похожие на мартини с водкой, а по вкусу напоминающие «Спрайт», красила губы красной помадой, носила усыпанные блестками туфли-лодочки – и выходила замуж за мужчину, который был наполовину поп-звездой, а наполовину плюшевым мишкой.

Она понимала, что следует перестать притворяться Алонсо, пока ее не вывели на чистую воду, но не знала, как сделать это так, чтобы не разочаровать маму.

«Просто позволь ему поговорить со мной. В последний раз, милая, честное слово!»

Маме все же удалось убедить Чарли встретиться с ее друзьями – и даже не один раз. Во время второго сеанса Чарли поняла, что некоторые из них стали относиться к происходящему скептически. Рэнд, дородный мужчина с красиво навощенными усами, завалил ее вопросами

по истории того времени, явно намереваясь подловить, и она запаниковала и принялась молоть всякий вздор.

Когда они ехали в машине домой, Чарли ощущала на себе материнский взгляд, обескураженный, разочарованный, заставляющий тело наливаться свинцовой тяжестью.

Против третьего сеанса Чарли даже возражать не стала. Заранее почитав историческую справку и решив, что Алонсо не обязан быть в курсе таких вещей как антибиотики и гравитация, она сочла, что справится. Более того, она вспомнила, какая стратегия хорошо работала применительно к ее матери. Чарли не нужно никого ни в чем убеждать. Ей необходимо лишь заставить людей захотеть ей поверить.

Поэтому вместо того, чтобы отвечать на их вопросы, она принялась фантазировать. Она неплохо знала всех друзей и подруг своей матери и имела представление о том, кто мечтал увидеть в журнале статью о создаваемых ею статуэтках, кто жаждал обрести любовь, а кто – сблизиться с собственными детьми.

Вот Алонсо и взялся рассказывать всем именно то, что они хотели услышать, награждая также и фигуральным пинком под зад:

«Вы уже встретили мужчину, с которым вам суждено быть вместе, знаете, кто он, и почему вы до сих пор порознь».

«Лучше всего вашим детям будет у озера, хотя они этому решению и не обрадуются».

«Ваши творения получают признание только после вашей смерти».

Вскоре Алонсо заявил, что выполнил свое предназначение и теперь может навсегда покинуть этот мир. После торжественных и слезливых прощаний Чарли позволила своему телу обмякнуть. Она упала на пол и целую минуту притворялась, что лишилась чувств, а потом «очнулась», испугавшись, как бы ей не вызвали «Скорую».

После этого даже самый скептически настроенный приятель ее матери угостил Чарли травяным чаем с печеньем.

Больше у Чарли никогда никаких «визитеров» не было. Она делала вид, что не замечает, как странно мама посматривает на нее время от времени. А Поузи из зависти к оказываемому старшей сестре вниманию начала гадать на картах Таро и изображать отрешенный взгляд.

Чарли же, напротив, чувствовала, что лишилась самых интересных граней своей личности и при ней остались только самые заурядные.

4

Еще кофе

Кухню заливал яркий утренний свет. Забравшись в раковину, Люсимурр балансировала лапами на грязной тарелке и лизала подтекающий кран.

Наливая себе кофе, Чарли отметила лихорадочный блеск налитых кровью глаз Поузи и то, как беспокойно та дрыгала ногой под столом. Сестра до сих пор была в той же пижаме, что и накануне, дополнив наряд пушистыми тапочками-единорожками грязно-серого цвета.

– Ты, что ли, всю ночь не спала? – спросила Чарли, хотя ответ был очевиден.

– Подписалась на новый канал, – отозвалась Поузи таким тоном, будто ожидала, что Чарли станет с ней спорить.

На досках объявлений и в видеороликах, которые часто просматривала Поузи, раздавались опасные советы о том, как можно оживить собственную тень, – а это, как известно, первый шаг к тому, чтобы стать сумеречником.

Большинство популярных статей о теневой магии были кликбейтами с манящими заголовками, посвященными изменениям: «*Являются ли маги новой элитой?*», «*Голливудская актриса запускает новый теневой тренд*», «*Вырвите с корнем тягу к нездоровой пище*», «*Самые полезные изменения теней для молодых мам*», «*Можно ли считать устранение желатина новой лоботомией?*» и пр. В этих заметках сумеречники всегда выступали в роли поставщиков. Дилеров. Эдаких универсальных магазинов волшебства – или старины святого Николая от мира магии.

Теперь, когда пошла такая мода, знаменитости все чаще прибегали к изменению своих теней, подобно тому как простые смертные пробовали, например, новую стрижку. На бал в Метрополитен «звезды» являлись не только разряженными в пух и прах, но еще и с тенями в форме драконов, лебедей или больших хищных кошек. Также они искусственно обостряли свои эмоции, чтобы лучше подготовиться к роли или написать более проникновенные песни.

Не обходилось и без жертв. Несколько человек заморили себя голодом, бросились с моста или лишились такой значительной части себя, что отныне безучастно плыли по течению собственной жизни, – но все равно это считалось небольшой платой. А если тени вдруг засыхали, сгорали или не приживались, богатые всегда могли купить новые.

Стоило стряхнуть глянец всеобщего интереса и немного глубже погрузиться в болото ссылок и статей – и удавалось добраться до теорий о том, каким образом человек может стать сумеречником. Официальные источники не спешили делать поспешных заключений, предпочитая лишний раз все тщательно взвесить. Так, в опубликованном «Нью-Йоркером» и мгновенно ставшем бешено популярным интервью с одним ученым из Исследовательского центра Гельмгольца прозвучало следующее мнение: «Тени подобны гомеровским душам мертвых; чтобы вернуться к жизни, им требуется кровь».

На деле оказалось, что каждый поборник здорового образа жизни и каждый потенциальный волшебник готов поделиться своим интуитивным знанием – разумеется, за деньги. «Ютьюб» и «ТикТок» наводнили мнимые тренинги: «*Как я пробудил свою тень через боль*», «*Оживление тени после драки*», «*Магические способности, проявившиеся после утопления*», «*Безопасные техники вызвать удушье с помощью пластикового пакета – результат гарантирован!*». В глубинах сайта «8kun» можно было обнаружить куда более странные и пугающие идеи.

Чарли еще помнила прежние времена, когда настоящая магия казалась делом невыносимым. Потом началась такая неразбериха, что уже никто, по сути, не был уверен, что подлинное,

а что нет. А вот Поузи из детской веры в волшебство шагнула прямиком во взрослую жизнь, где магия стала реальностью – но доступной далеко не каждому.

В памяти Чарли и по сей день было живо воспоминание о том, как однажды, вернувшись домой, она обнаружила наполовину наполненную растаявшим льдом ванну и завернутую в полотенце сестру, сидящую на полу с посиневшими от холода губами.

– Нужно было подольше не вылезать, – посетовала тогда Поузи, стуча зубами.

Чарли молила сестру больше не делать ничего подобного, но та не унималась. В другой раз она решила расщепить себе язык, привязав к имеющемуся в нем пирсингу рыболовную леску и принявшись медленно тянуть, чем, конечно, причиняла себе мучительную боль. Она откуда-то узнала, что, если научится синхронно орудовать мышцами обеих половинок языка, то приучит мозг к так называемому «раздвоенному сознанию». А это второе, что требовалось каждому сумеречнику, – после оживления собственной тени, разумеется.

Насколько Чарли могла судить, Поузи удалось добиться лишь легкой шепелявости.

Зевнув, Чарли проверила сообщения на обоих своих телефонах. На ее настоящий номер пришло приглашение на барбекю от Лоры, ближайшей школьной подруги, у которой теперь было трое детей и совсем мало свободного времени. Также она обнаружила просьбу от другой подруги: побыть барменом на ее свадьбе, которую предполагалось справлять на заднем дворе, и спам из магазина о распродаже амулетов из оникса.

Потом она переключила внимание на одноразовый телефон и набрала сообщение Адаму, решив возобновить попытки до него достучаться:

«Давай встретимся? В каком-нибудь уединенном месте. Я не хочу, чтобы нас видели вместе».

Самым сложным было заставить его заглотить наживку. Как только он скажет ей, где находится, ему крышка. Дорин тут же устремится туда и с криками потащит домой.

Чарли пожалела, что нельзя с такой же легкостью и Поузи вправить мозги. Никакая афера, махинация или ограбление тут не поможет.

«Завтра?»

Учитывая, что ее машина вышла из строя, это будет непросто.

«Годится, – тем не менее напечатала Чарли. – *Я могу утром, перед занятиями*».

«Утром никак».

Она в отчаянии стиснула зубы. Не зная точно, когда Адам появится, ей придется организовать слежку за местом предполагаемой встречи. А ведь она притворяется сумеречницей Эмбер, которой вообще ходить на работу не требуется! Тогда Чарли решила подпустить туману:

«До полуночи я буду кое-чем занята, зато готова встретиться с тобой после».

Адам в ответ послал ей одобрительно поднятый большой палец и подмигивающий смайлик, после чего выдал свое местонахождение в номере гостиницы «ЭмДжиЭм» в Спрингфилде, и Чарли вдруг ощутила укол вины, как будто назначала свидание.

«Ты не делаешь ничего плохого», – мысленно заверила она себя.

Ладно, кое-что неправильное во всем этом определено было, но совсем не в том смысле, в каком представлялось на первый взгляд.

– Ты хоть слышала, что я тебе только что сказала? – донесся до нее голос Поузи.

– Ну, конечно, – тут же солгала Чарли, а сестра закатила глаза и пнула ножку ее стула ногой в тапочке-единорожке.

– Я нашла видеоролик, в котором люди принимают аяуаску³, а потом, выполняя определенные действия, оживляют свою тень. На досках объявлений все из-за этого прямо помешались. Я знаю одного парня, у которого есть домик на озере Квинсигамонд, и он хочет, чтобы мы с ребятами воссоздали то, что показывают в видео, – если кому-нибудь удастся достать что-нибудь галлюциногенное.

Чарли удивленно вскинула брови.

– Да от этой дряни всю ночь блевать будешь! И кое-что похуже.

Поузи в ответ лишь плечами пожала.

– Раздобыть сможешь?

Чарли попыталась решить, насколько эта идея плоха.

– Ну, не знаю. Поспрашивай в Гэмпширском колледже. Если кто-то из местных им торгует, то только там. Или, когда поступишь в Массачусетский университет, кто-нибудь синтезирует для тебя в биологической лаборатории.

Последние несколько лет Поузи не вылезала с сайта «Reddit», где просматривала темы и видео и до рассвета общалась с людьми, которые, как и она сама, мечтали сделаться сумеречниками. Потом стало еще хуже: она взяла за правило вообще не спать по несколько суток подряд и неделями не выходила из дома. При этом она все глубже погружалась в пучину отчаяния, поскольку ее тень отказывалась оживать. Поузи так долго летела вниз по кроличьей норе, что Чарли начала беспокоиться, сумеет ли она выбраться из этого подземелья.

Вот почему Поузи было столь важно пойти учиться. В Массачусетском университете она получила бы возможность постигать премудрости науки о тенях под руководством настоящих профессоров, а не каких-то торчков из интернета. У нее даже могли появиться другие интересы.

Единственная проблема заключалась в количестве бланков, подлежащих заполнению, величине платы за то и это и неожиданных дополнительных сборах. Хоть Чарли и наскребла большую часть денег для погашения последнего выставленного ей счета, всей суммы у нее пока не было. Тем не менее она бы справилась – если брату Дорин удастся сделать ей отсрочку.

В общем и целом Чарли считала за лучшее следовать семейной традиции и не обращать внимания на происходящее с сестрой, но время от времени, ощутив очередной укол вины, советовала ей хотя бы попытаться ложиться спать пораньше. Как будто та страдала от бессонницы! И как будто обе они не знали, что Поузи ведрами хлещет кофе и содовую – возможно, даже глотает психостимуляторы, чтобы предотвратить истощение. По крайней мере, это сослужит ей хорошую службу, когда будет учиться на последнем курсе.

В душу Чарли закралось неприятное чувство, что сестра уже придумала, где можно достать галлюциногены, – причем не просто достать, а умыкнуть. И делать это придется самой Чарли.

Тут у Поузи звякнул сотовый, и, пока она читала сообщение, Чарли наконец сосредоточилась на своем кофе. Который ей определенно понадобится.

– Маме сегодня выпала семерка кубков, – пробормотала Поузи, демонстрируя Чарли экран телефона с фотографией их матери, держащей упомянутую карту Таро. Карту мечтателя или искателя.

Мама обреталась в мотеле длительного проживания с новым парнем – всегда-то у нее новый парень! И ей очень нравилось, что Поузи гадает ей бесплатно, – привилегия членов семьи.

Чарли проигнорировала знакомый укол вины, притупившийся со временем, но так и не исчезнувший полностью.

³ Галлюциногенный отвар, традиционно изготавливаемый шаманами индейских племен бассейна Амазонки и употребляемый для «общения с духами».

– И что ты ей на это ответишь?

– А тебе какое дело? – нахмурилась Поузи. – Ты же не веришь, что я знаю, о чем говорю. Услышав ее раздраженный тон, Люсимурр подняла голову от раковины и зашипела.

– Ты несправедлива ко мне, – запротестовала Чарли. – И кроме того, расстраиваешь кошку. Она терпеть не может, когда люди ссорятся.

Поузи пропустила замечание сестры мимо ушей.

– Тени у людей срезают и продают не без причины. Все жаждут магии, не одна я.

Чарли тут же с опаской глянула в сторону ванной, где принимал душ Винс, и, понизив голос, добавила:

– Я тебя в этом и не виню! Перестань быть таким гребаным параноиком.

Когда Чарли была маленькой, ей на день рождения подарили ящик фокусника, в котором имелось много разных штук: носовой платок, меняющий цвет, будучи вывернутым наизнанку, шляпа с двойным дном, колода крапленых карт. Чарли упражнялась ночь за ночью, хотя и понимала, что это всего лишь жульничество. Безобидный обман.

Конечно, она знала, каково это – хотеть обладать магией.

Поузи придвинула к ней свой ноутбук со словами:

– Хочу кое-что тебе показать.

Чарли сделала еще глоток кофе и стала сгребать разбросанную по столу почту: каталоги, счет за электричество, счет за пропан, счет за сотовую связь, еще одно письмо из больницы с красной пометкой «Задолженность» и три от коллекторской компании. Общая сумма долга росла с каждым месяцем плюс проценты. Кроме того, ей предстояло реанимировать свою «Тойоту Короллу» 1998 года выпуска, прежде чем ту отбуксируют. Но потребности Поузи превыше всего.

– Подумай обо всем том, что раньше скрывали, – продолжила младшая сестра Чарли. – Облучение мертвых младенцев, принуждение предприятий отравлять вещество, используемое для изготовления контрабандного алкоголя во время сухого закона. И участвовало в этом не только правительство нашей или любой другой страны, но и компании и учреждения. Если бы был способ оживить тень, они бы его от нас утаили.

Развернув свой ноутбук монитором к Чарли, Поузи запустила видео, на котором группка подростков украдкой шастала по больнице. Надпись внизу экрана гласила, что это незарегистрированные записи с камер наблюдения. Глаза детей светились в зеленом инфракрасном свете. Было жутко наблюдать, как они хихикают, стоя над спящими пациентами, и щелкают пальцами, как будто играют в «камень, ножницы, бумагу», – с той лишь разницей, что выбирают одни только ножницы, снова и снова.

– Для чего им все эти тени? – спросила Поузи. – Должно быть, они знают способ их оживить.

Чарли нахмурилась, глядя на экран. Увиденное несколько ее не впечатлило. Она вообще была невысокого мнения о похитителях теней, являющихся в мире магической преступности всего лишь исполнителями, которым достается самая грязная работа. А торговцы тенями, по ее мнению, продавали свой товар людям, которые лишились собственных теней из-за чрезмерных изменений или использовали их для экспериментов. Чарли казалось маловероятным, чтобы кто-то, действительно знающий, как оживить тень, стал бы держать эти сведения при себе, когда в мире полно денег, готовых пролиться на него дождем.

– Не доводилось ли тебе слышать о растерзании теней? – спросила Чарли, отчасти потому, что в самом деле хотела знать, а отчасти чтобы сменить тему.

– О чем? – нахмурилась Поузи.

– Я видела одну такую... прошлой ночью... даже не знаю, как описать... в общем, выглядела она так, как будто ее пропустили через измельчитель или что-то в этом роде. А еще там был мужчина, который...

Поузи так странно на нее взглянула, что Чарли замолчала, не договорив. Поузи, которая верила всему и всем, похоже, засомневалась в правдивости слов собственной сестры! Чарли и рада была бы сказать, что тень отбрасывал изорванный в клочья пластиковый пакет, а на мужчине были серые перчатки, но она знала, что на самом деле видела.

– Должно быть, кто-то пытался ее отрезать, – в конце концов предположила Поузи. – Говорят, что, когда теряешь тень, это сравнимо с тем, как если бы душа отделилась от тела. – Понизив голос до шепота, она добавила: – Сама знаешь, что Винс...

– Ой, перестань! – перебила Чарли. – Есть у него гребаная душа.

– И все же с ним что-то не так, – стояла на своем Поузи. – Нормальный человек не согласился бы выполнять такую мрачную дерьмовую работу.

Винс занимался уборкой гостиничных номеров, залитых кровью после разного рода происшествий – поножовщины, стрельбы, передозировки. Его босс избавлялся от трупов, если таковые появлялись, а грязную работу поручал трем своим сотрудникам, трудящимся неофициально: Винни, Крейгу и Винсу. Винни – пожилая женщина со взрослыми детьми, которая прежде была профессиональным клоуном. Крейг решил поработать год, чтобы досконально изучить, как выглядит и ведет себя запекшаяся кровь, а потом поступить в школу Тома Савини на отделение грима и спецэффектов.

– Тебе ли говорить о дерьмовой работе? – возразила Чарли, но Поузи не обратила на ее слова внимания.

– Недаром он такой тихоня. А еще, как мне кажется, он врёт, что не знает французский.

Чарли издала нечто среднее между смешком и хмыканьем, удивленная нелепостью выдвинутого Поузи обвинения и серьезностью, с которой та говорила.

– Ну, что он сделал на этот раз?

Поузи нахмурилась.

– Мы смотрели сериал по телику, и там был эпизод, в котором один из персонажей сказал что-то по-французски. Так вот, Винс ухмыльнулся до того, как прозвучало объяснение, что все это значит. Это было не просто «бонжур» или еще что-то всем известное; он понял целую шутку на французском.

– Значит, он учил этот язык в школе. И что с того?

Поузи упрямо покачала головой:

– Никто не помнит язык, который изучал в школе.

– Включая и тебя саму. Объясни толком, что ты находишь в нем странного? – воскликнула Чарли, всплеснув руками.

– Как по мне, Винс красавчик, но ты и сама понимаешь, что в нем чего-то не хватает, потому и переписываешься с другими парнями за его спиной. – Поузи схватила со стола мобильный телефон Чарли: – Ну, что я говорила? *«Оооо, Адам, давай встретимся в каком-нибудь уединенном месте»*, – насмешливо продекламовала она.

– Немедленно отдай! – Чарли выхватила телефон у сестры из рук.

– Признайся, что больше всего тебе нравится в Винсе то, со скольким многим он готов мириться.

Прежде чем Чарли успела объяснить, тяжелая поступь Винса возвестила о его приходе. Его волосы были влажными, рубашка плотно облегла мускулистые предплечья, а серые глаза на фоне желтых стен казались зеленоватыми.

Поузи встала и, зажав ноутбук под мышкой, протиснулась мимо него, толкнув его плечом в грудь.

Винс удивленно вздернул брови.

– Она наконец-то пошла спать? – спросил он, наливая себе кофе из кофейника.

– Надеюсь, – отозвалась Чарли, отводя взгляд.

Она задавалась вопросом, как много он услышал, будет ли о чем-нибудь ее спрашивать и в чем мог бы признаться сам, если бы гнев развязал ему язык. Объявит ли, что хотел бы быть в другом месте и с другой девушкой? Что с ней он просто топчется на месте? Отринет ли привычную осторожность?

Чарли Холл, бесенок-извращенка. Которая ценит простоту в отношениях, но при этом испытывает искушение основательно их запутать.

Она схватила свой телефон и поискала вопросы на французском.

– *Voulez-vous plus de café?*⁴ – запинаясь, спросила она.

Винс уставился на нее в замешательстве и тревоге, что было вполне понятно, поскольку она только что произнесла какую-то тарабарщину.

– Что?

Чувствуя себя очень глупо, Чарли покачала головой.

– Ничего.

– Давай-ка лучше съездим посмотрим, что там с твоей машиной, – предложил он, прихлебывая из своей кружки.

Она прикусила губу.

– Да. Конечно.

* * *

Винс ездил на белом фургоне, проржавевшие части которого были замазаны краской для фасадов. И который был таким же старым, как и машина Чарли, и с такой же вероятностью мог испустить дух в самый неподходящий момент, хотя до сих пор этого не произошло. Она забралась на пассажирское сиденье. На центральной консоли обнаружился одноразовый кофейный стаканчик из «Данкин Донатс», рядом стоял на зарядке сотовый с предоплатным тарифом и валялась пожелтевшая мягкая книжица под названием «Крик зла», на обложке которой в сексуальной, но вычурной позе красовалась дамочка с пистолетом. С зеркала заднего вида свисал освежитель воздуха в форме дерева, чей лимонный аромат не справлялся с агрессивными запахами отбеливателя, уксуса и лизола из кузова.

Винс внимательно следил за дорогой, а Чарли изучала его профиль, линию подбородка и лежащие на руле руки.

– Мне кажется, я видела труп, – сообщила она. – Прошлой ночью.

Он искоса взглянул на нее.

– Не о нем ли вы с сестрой спорили?

– Ничего мы не... – начала было Чарли и замолчала. – Поузи просто хотелось на кого-нибудь накричать. Она раздражена из-за недосыпа, а кофеин ее взбодрил. Да еще и посмотрела видео о детях, тайком проникших в больницу, и совсем слетела с катушек.

Судя по виду, Винс не до конца поверил ее словам.

– Где именно ты видела тело?

– По дороге домой.

Он снова взглянул на нее и нахмурился.

– Ты шла пешком?

– И ничего со мной не случилось, – возразила она, когда он въехал на пустую стоянку у бара. – Просто такое странное ощущение. Прежде мне никогда не приходилось видеть трупы.

А вот Винс, напротив, постоянно имел с ними дело по работе, но предпочел не указывать на это Чарли, чтобы заработать себе очко.

⁴ Хотите еще кофе? (фр.)

Также он не стал распекать ее за то, что ходила ночью одна, – и не пытался заставить пообещать, что больше так не сделает. Более того, он никогда не указывал ей, как себя вести или что надеть, – а носила она обычно чрезвычайно скучную черную футболку с V-образным вырезом, черные джинсы и кеды «Ванс» в шашечку. Тем не менее какая-то часть Чарли отчаянно жаждала поругаться с Винсом. Похоже, ей, как и Поузи, нужно было на кого-то накричать – или чтобы накричали на нее.

Чарли попыталась подавить этот порыв. Распахнув дверцу, она свесила ноги наружу, но выходить не спешила. Винс тем временем открыл капот и принялся ковыряться во внутренностях «Короллы». Затем подошел к водителскому месту и попытался завести машину, но она по-прежнему не подавала признаков жизни.

– Можешь сказать, что не так?

– Похоже, стартер накрылся, – нахмурившись, сообщил он.

Чарли нервировало просто сидеть и смотреть, хотя она почти ничего не понимала в автомобилях.

– Помочь тебе чем-нибудь?

Он отрицательно покачал головой:

– В данный момент – нет.

Она наблюдала за тем, как он работает, как сгибается его тело и как уверенно двигаются руки. Казалось, что при этом он еще и пренебрегает законами природы, поскольку, стоя на солнце, не отбрасывает тени.

Чарли знала девушку, которая продала свою тень. Она была танцовщицей на шесте в заведении, которое местные жители недоброжелательно именовали «Балетом Уотли», и заканчивала работать примерно в то же время, что и Чарли, так что они иногда сталкивались в закусокных, открытых всю ночь.

– Он мне пять штук заплатил, – призналась Линда шепотом, и Чарли не смогла понять выражения ее лица. – За то, что мне вообще было без надобности.

– Кто заплатил-то? – спросила Чарли, отправляя в рот кусочек очень жирной яичницы.

– Я никогда раньше этого парня не видела. Он купил приватный танец, во время которого и предложил деньги за мою тень. Я сначала рассмеялась, но вижу, он весьма серьезен. Сказал, что есть кое-кто, кому нужна точно такая же тень, как у меня.

Свет в закускойной был тусклым, а Линда сидела за столом, так что сразу и не поймешь, что чего-то не хватает.

– Теперь ты ощущаешь утрату? – уточнила Чарли, хмуро глядя на размытые края собственной тени.

Линда прихлебнула кофе.

– Похоже на то, когда какое-то слово вертится на языке, а вспомнить никак не можешь, – пояснила она. – Так и тут. Внутри меня было что-то, чего больше нет, но я не знаю, чего именно. Не уверена, что скучаю по пропаже, хотя вроде как должна.

Всякий раз, вспоминая тот разговор, Чарли гадала, чувствовал ли и Винс то же самое. Но когда она спросила его об этом, он ответил, что не может вспомнить, как было раньше. А на вопрос о том, не хочет ли он новую тень, сказал, что она ему не нужна.

Вынув свой одноразовый телефон, Чарли принялась просматривать местные новости, ища упоминания о найденном в Истгемптоне трупе. И ничего не обнаружила, хотя криминальная хроника в городке была настолько вялой, что газеты печатали даже заметки о кражах в магазинах и пьяных студентах. Кем же был тот мертвый парень? И действительно ли он украл книгу у самого Лайонела Солта?

Имя этого богатого мерзавца значилось в первых строках списков спонсоров, перечисляющих пожертвования музеям, благотворительным организациям и забегам горячего шоко-

лада⁵. Дети любили рассказывать о том, что видели машину Солта – матовый черно-серебристый «Роллс-Ройс Фантом Мэнсори Конкистадор», – разъезжающую по дорогам то здесь, то там. Название этого автомобиля ребята-старшеклассники произносили полностью так часто и с таким удовольствием, что оно засело в голове, как навязчивая мелодия.

Однако мало кому доводилось побывать в похожем на особняк из фильма ужасов доме Солта или наблюдать, как он отравляет кого-то в надежде украсть ожившую тень. Для богатых существовали иные, чем для обычных людей, правила, а Лайонел Солт и вовсе жил по своим собственным законам. Мысли о нем всегда заставляли Чарли нервничать.

Она снова подумала о мертвом парне. В баре он заказал бурбон и расплатился карточкой, значит, у Одетты в кабинете должен быть чек с его именем. Узнав, кто он такой, Чарли могла бы поспрашивать о нем, навести справки, выяснить, чем он на самом деле занимался.

Услышав жужжание телефона, она не сразу сообразила, с которого из двух поступил сигнал. Оказалось, что с одноразового. Адам прислал сообщение:

«Мы не обговорили оплату».

Вот почему Адаму нужен был Бальтазар в качестве посредника – не только для сохранения анонимности, но и потому, что Бальтазар сразу же выдавал на руки деньги. Поскольку сама Чарли все равно не собиралась ему платить, то могла пообещать любую сумму. Она решила воспользоваться случаем, чтобы узнать, насколько сильно он под кайфом.

«Так давай что-нибудь придумаем?» – напечатала она и тут же получила ответ:

«Какие у тебя связи?»

Чарли нахмурилась. Она ожидала, что он заговорит о дури, а не о деле.

«Я знаю людей», – написала она. На сей раз Адам ответил не сразу, зато более подробно (и, как обычно, с кучей ошибок):

«У меня есть на продажу одна серьезная штука. Но не надо чтобы кто-нибудь знал о моем участии в сделке. Сделай вид что это твое и я в ответ помогу тебе задарма».

Работа вроде той, что она предлагала, была непыльной и могла бы принести ему кучу денег. Штуку баксов точно – или даже вдвое больше, если дело срочное. Что же такое попало Адаму в руки, что ему нужно тайком перепродать? Он ведь был не особенно искусным вором. Да и вообще, у него же есть Бальтазар, который мог бы оказать содействие.

«Согласна, – написала она. – С кем у тебя сделка?»

Ответное сообщение пришло очень быстро:

«Все что от тебя требуется это позвонить по телефону из гостиницы. Я научу тебя что именно нужно будет сказать».

Тут Чарли заметила, что за ней наблюдает Винс, и виновато сунула телефон в карман.

– Где ты научился так здорово разбираться в автомобилях? – спросила она.

– Помнишь, я говорил тебе, что у меня был очень строгий дедушка? – отозвался Винс, снова принимаясь копаться во внутренностях «Короллы». – Я многое от него перенял. Он верил в целительную силу труда, вне зависимости от возраста. Всяческими отговорками его было не пронять. А еще у него был лимузин, который иногда ломался.

– Так он был водителем в ливрее? – спросила Чарли. – И иногда разрешал тебе прокатиться на заднем сиденье?

Винс пожал плечами.

⁵ Самый известный «Hot Chocolate Run» проводится в Чикаго. Это благотворительный забег, финалистов которого угощают горячим шоколадом, а вырученные деньги переводятся тяжелобольным детям.

– Он подвез меня до школы в первый день учебы в выпускном классе. То-то все на меня уставились! Решили, наверное, что я важная шишка.

Чарли попыталась представить себе Винса в то время. Был ли он нескладным парнишкой, который всегда просил добавки за обедом, но никогда не насыщался? Или тем, кто сидел на задней парте и читал комиксы? Или, может, отличным бегуном? Казалось, все вышеперечисленное не про него.

– Я бы тебе точно не понравилась, – сообщила Чарли, пиная дверцу фургона мыском кроссовки. – Я была странным ребенком.

Уже в десять лет у нее оформилась грудь, и пришлось покупать лифчики в «Уолмарте». Стесняясь этого – и того, что творилось у нее дома, – она вплоть до старших классов школы ходила, понуро опустив голову, – а потом нашла способ придать себе устрашающий вид: чересчур свободная одежда, черная подводка для глаз и падающие на глаза волосы. Плюс высокие грубые ботинки со шнуровкой, которые носила не снимая, пока подметки не начинали отваливаться.

Винс бросил на нее взгляд из-под полуопущенных век, и она подумала, не собирается ли он отпустить какую-нибудь шутку.

– Мне нравятся люди со странностями, – сообщил он и снова принялся что-то чинить в машине.

Если бы он только знал!

Несколько мгновений спустя на стоянку въехал блестящий фиолетовый «Мини Купер» Одетты, из которого вышла она сама. На ней был просторный черный кафтан с развевающимися полами. Выцветшие татуировки на морщинистой коже лица и многочисленный серебряный пирсинг в губах, щеках и ушах красноречиво свидетельствовали о том, что она была крутой дрянной девчонкой, еще когда Чарли с Винсом подгузники пачкали.

Одетта приблизилась, приветственно махнув рукой в перчатке, к кончикам пальцев которой были прикреплены металлические когти.

– Ух, какой долговязый! – воскликнула она, осматривая Винсента с головы до ног и старательно не глядя на асфальт, на котором отсутствовала его тень.

Вытерев ладонь о штаны, он протянул ее Одетте.

– Винс, – представился он. – А вы, должно быть, Одетта. Я о вас слышан.

Чарли стало интересно, что видела ее начальница, когда смотрела на Винса снизу вверх. Из-за ковыряния в машине у него под ногти забились грязь. Густые темно-золотистые волосы закрывали лицо, а серые глаза в неверном свете казались пустыми. Привлекательный, широкоплечий, с твердым волевым подбородком. Находясь рядом с таким красавчиком, Чарли частенько раздражалась, что люди, посмотрев сначала на него, а затем на нее, делали нелестные для нее выводы. Мгновение спустя Одетта подала ему руку, как королева, одаривающая рыцаря своей милостью.

– Надеюсь, обо мне говорили только плохое, – произнесла она.

– Ужасные ужасы, – согласился Винс, криво усмехнувшись в ответ.

Одетта подмигнула Чарли.

– В тихом омуте черти водятся, – заметила она и скрылась в баре.

Винс почти закончил с починкой, когда позади «Экстаза» припарковался «Лексус» – как можно дальше от них. Из машины вышел седовласый мужчина в зеркальных солнцезащитных очках. На нем был спортивный пиджак и безукоризненные мокасины.

– Парень заблудился, что ли? – удивился Винс.

– Наверное, это клиент, – ответила Чарли. У Одетты все еще осталось несколько.

– Ну-ну, – сказал Винс.

Чтобы попасть к главному входу, мужчина должен был пройти мимо них, но он не спешил этого делать, нервно поглядывая в их сторону.

– Некоторые путаются с ней добрых четыре десятка лет, – шепотом сообщила Чарли. Что было на десять с лишним лет дольше, чем она прожила на свете.

– Богатый, – заметил Винс.

– Без сомнения, – согласилась Чарли. – Знаешь, это даже забавно. Я их себе совсем другими представляла. Вот и этот выглядит, как обычный бизнесмен, из тех, кто проводит зиму в особняке во Флориде, хвастается своими внуками и голосует за республиканцев. А также держит в штате кукловода для корпоративного шпионажа, но не отваживается встречаться с ним взглядом.

Винс, прищурившись, посмотрел на мужчину.

– На нем часы «Вашерон Константин». Думаю, зиму он переживает на вилле на юге Франции, потому что может себе это позволить.

Чарли нахмурилась.

– Надеюсь, Одетта отхлещет его кнутом с особым рвением.

Винс снова вернулся к двигателю, а Чарли принялась наблюдать за жужжащими на стоянке мухами. День медленно клонился к вечеру. Вдруг Чарли осенило: как странно, что Винс знает о таких дорогущих часах, – сама она о них даже не слышала. Может быть, его дедушка – водитель лимузина рассказывал о богатых людях. Или, возможно, Винс забирал себе вещи, которые люди оставляли в гостиничных номерах. Мысль о том, что у него могут быть секреты, беспокоила Чарли, хотя и у нее самой их было предостаточно. Но в этом Винс не должен был быть на нее похож.

– Расскажи мне о других клиентах Одетты, – попросил он. – Пока я работаю.

Винс, этот молчаливый шестифутовый великан, любил слушать сплетни, даже о тех людях, которых не знал. По виду ни за что не скажешь! А он еще и комментарии отпускал, как будто эти истории имели значение. И запоминал подробности. Иногда Чарли хотелось, чтобы он этого не делал. Тревожилась, что он раскусит ее болтовню и выяснит настоящую причину, по которой она вышла из игры.

Ремеслом своим Чарли занималась много лет. Грабила библиотеки, музеи, антикварные книжные ярмарки. Лгала, изворачивалась и обманывала, обшаривала карманы и вскрывала замки, а однажды даже поймала мрака в ониковую шкатулку. Хотя она и не обладала магией, зато, подобно пчеле, перекрестно опыляла мир магии.

У сумеречников не было заклинаний как таковых, но они любили делать записи о техниках и экспериментах, на протяжении веков проводимых другими темноделами. Изначально была выдвинута инициатива оцифровать эти сведения и распространять их через крупную бесплатную онлайн-библиотеку, но туда начали загружать пиратские версии.

Библиотека была официально упразднена после того, как в ней появилась копия «*Cosmetria Gnomonica*», в которой подробно описывался способ получения сумеречниками силы в обход предыдущих ограничений. Для этого нужно было напитать свою тень открытым потоком жизненной энергии. Тридцать сумеречников погибли, прежде чем стало ясно, что из PDF-версии была удалена важнейшая последняя часть, в которой объяснялось, как рассчитать оптимальную дозу энергии и как своевременно перекрыть подачу.

С тех пор сумеречники ревностно оберегали имеющиеся у них сведения и с подозрением относились ко всему, подлинность чего не могли определить. А это, в свою очередь, привело к необходимости нанимать для получения оригиналов людей вроде Чарли.

Взаимодействовать с теми, кому по силам отделить от человека его тень, было очень опасно. Однажды, поймав Чарли на месте преступления, сумеречник изменил ее тень, отчего ее обуял такой ужас, что она почти неделю пряталась в шкафу.

Другим недостатком афер являлась необходимость притворяться кем-то еще. Когда у Чарли случались перерывы между заданиями, она терялась, не совсем понимая, кто такая она сама. Она набивала себе новые татуировки, как будто это могло добавить стабильности. Напи-

валась. Встречалась с парнями, которые раз за разом разбивали ей сердце. Транжирила часть денег, припрятывала остальное, и так по кругу.

Переломным для Чарли моментом стала кража одного фолианта по поручению Наместницы, главы местной банды альтерационистов, которые называли себя Творцами. Это были мемуары девятнадцатого века, которые Чарли с большим трудом стащила у кукловода из Олбани, а он, в свою очередь, украл их у какого-то парня в Атланте. Чарли потребовался месяц, чтобы добраться до книги и заполучить ее, а ее тогдашний приятель, трусливый говнюк по имени Марк, попытался перепродать добычу у нее из-под носа. Он заключил параллельную сделку с другой бандой на гораздо меньшую сумму, чем на самом деле стоила книга. Как и Поузи, он хотел оживить свою тень и вбил себе в голову, что сумеречники ему в этом помогут.

Чарли могла бы просто объявить Марку, что раскрыла его подлый план, и выгнать пинком под зад, но решила действовать более жестко. Она осторожно вырезала из обложки книжный блок, заменив его разлинованным тетрадным от «Таргета». Когда Марк попытался провести сделку, подлог обнаружился, и за подобное оскорбление ему отрезали тень и отсеки все пальцы на правой руке.

А он был музыкантом.

Чарли пыталась убедить себя, что он это заслужил, что в случившемся нет ее вины, но все же впала в депрессию и возненавидела себя.

Она тогда работала в баре «Десятка», а после смены, будучи слишком измученной и не в силах шевелиться, валялась в постели до тех пор, пока снова не наступало время идти на работу. В конце концов место она потеряла и стала проедать свои сбережения.

Пару месяцев спустя Марк с братом расстреляли ее машину, когда она остановилась на светофоре. В нее попала только одна пуля, но и этого было достаточно. Еще две угодили в сидящего на пассажирском сиденье парня, случайного знакомого, с которым она разок перепихнулась. Он умер мгновенно. Чарли не давала покоя мысль о том, что на его месте могла бы быть Поузи.

Марк с братом отправились напрямиком в тюрьму, где гниют и по сей день. И все потому, что Чарли вздумалось повыпендриваться. Отомстить. Опять Чарли Холл проявила себя во всей красе совсем не там, где следовало! Что бы она ни пыталась создать, все тут же разваливалось прямо в руках. Ну а уж в том, чтобы испортить что-то, ей и вовсе не было равных.

Поправляясь после пулевого ранения, Чарли то и дело твердила себе, что с магическими кражами пора завязывать. Хватит с нее сумеречников, мошенничества и работы на пределе возможностей. Хватит подвергать опасности людей, которых любит. Она потеряла былую сноровку.

Вскоре после того как сняли повязки, она замутила с Винсом. Когда в баре он сел за стойку рядом с ней, ее первым побуждением было отодвинуться как можно дальше. У него была твердая челюсть, крупные руки и сердито сдвинутые брови, и над выпивкой он нависал столь угрожающе, будто хотел все разлить. А у Чарли выдался очередной плохой день хренового месяца дерьмового года, и ей совсем не хотелось, чтобы ей докучали.

Винс, однако, привлек внимание бармена, который в очередной раз не заметил подающую ему знак Чарли и своим телом отгородил ее от напиральной под вечер толпы желающих промочить горло. А еще он завязал ни к чему не обязывающий разговор.

Чарли понравился его глубокий голос и странные глаза, такие бледно-серые, что, казалось, были напрочь лишены цвета. Оценила она и то, что он к ней не приставал. И выглядел неплохо. Строго говоря, он был намного сексуальнее парней, к которым ее обычно тянуло: смазливых, меланхоличных, тощих болтунов со скорбными рожами. Судя по виду, Винс с легкостью бы их напололам разорвал.

Тогда-то Чарли и решила, что, возможно, ей нужно сменить типаж. И хотя бы на одну ночь отдать предпочтение парню, способному подавить ее худшие порывы. Вроде того, как никотиновый пластырь притупляет тягу к сигаретам.

Когда они вышли из бара, он нежно провел пальцами по набитой у нее на ключице татуировке из роз и жуков-скарабеев. Она обвила руками его шею и поцеловала, а он прижал ее к грубой кирпичной стене со всем пылом, какого только можно было пожелать, и вдруг его рост и сила рук стали реальным и ранее неизвестным преимуществом.

Чарли привезла его к себе домой, и утром он никуда не слинял. Он сварил кофе и принес его ей в постель – ну, то есть на матрас – вместе с тостом, который лишь слегка подгорел по краям. Возможно, она прямо тогда в него и влюбилась, хотя никогда бы себе в этом не призналась. А Винс спросил, не знает ли она, у кого тут можно снять комнату.

Однако Чарли никогда не позволяла себе забывать, что с ней Винс жил как будто в изгнании. Он хранил фотографию, на которой был запечатлен с другой девушкой, но никогда не рассказывал о ней Чарли. В ту первую ночь она залезла к нему в бумажник, где нашла десять долларов, водительские права, выданные в Миннесоте, и тот самый снимок, затертый от частого прикосновения его пальцев.

Время от времени Чарли проверяла фотографию, и та всегда была при Винсе.

5

Наизнанку

Очень медленно и с большой осторожностью им все же удалось доехать на «Королле» домой. Однако она то и дело издавала тревожные лязгающие звуки, так что Винс счел необходимым заменить деталь, которую в это время суток уже не достать. Он предложил подбросить Чарли в «Экстаз» к началу ее смены, предупредив, что едва ли успеет вернуться с очередной уборки вовремя, чтобы ее забрать.

Тогда Чарли, не желая снова шагать в одиночестве по ночным улицам, договорилась со своей подругой Барб, что та подвезет ее домой. Барб была поваром в веганском ресторане в Нортгемптоне, который по пятницам закрывался для посетителей в одиннадцать; но к тому времени, как был перевернут последний стул, прибрано на кухне и приготовлены продукты на следующий день, стрелки часов приближались к часу ночи, так что по времени они вполне совпадали.

Стоя на улице и кутаясь в пальто, Чарли смотрела в удаляющиеся спины Бальтазара и Джоуи Эспирина и не могла не думать о безымянном убитом парне и его изодранной в клочья тени. Также она задавалась вопросом, не Бальтазар ли сдал его Солту. Она надеялась, что нет, поскольку Бальтазар был ей симпатичен, и хотелось, чтобы это чувство оставалось неизменным и впредь.

Будучи ребенком, она частенько представляла, как заставит Солта заплатить за то, что он с ней сделал. Но вынашивание планов мести на самом деле было ребячеством и рассеялось как дым, когда Чарли повзрослела. По сути своей она являлась прагматиком и понимала, что мелкие сошки вроде нее не мстят таким, как Солт.

Но «*Liber Noctem*», та книга, которую он, по-видимому, отчаянно хотел вернуть, никак не шла у нее из головы. Интересно, каково это – иметь то, что он жаждет заполучить? Быть способной лишить его чего-то. Тогда Чарли напомнила себе, что ей вовсе не улыбается окончить свои дни трупом в переулке – особенно в переулке за углом ее съемного дома. Если уж ей суждено умереть насильственной смертью, пусть это случится в Париже. Или Токио.

Чего она действительно хотела, так это чтобы сестра училась в колледже и все долги были выплачены.

На самом деле, в подобном желании она себя уверяла.

«Ты не можешь завязать, – сказал ей Бальтазар, когда она сообщила, что отошла от дел. – Уж слишком хорошо у тебя это получается. Единственное, что у тебя хорошо получается, если разобраться». Иногда Чарли с тревогой думала о том, что во втором он прав.

Она неспешно достала телефон и набрала «*Liber Noctem*» в строке поиска. Появилось объявление об аукционе «Сотбис»:

LIBER NOCTEM. В просторечии называемая «Книгой Мрака», каждая буква которой индивидуально оттиснута на страницах, изготовленных из никелевого сплава. Увидевшая свет в 1831 году в Шотландии, книга является одним из наиболее значительных документов, посвященных феномену бестелесных теневых проявлений. Автор неизвестен. Слухи о том, что к написанию книги был причастен настоящий мрак, не нашли подтверждения, но добавили ей значимости в историческом контексте.

Примечание: «Сотбис» не одобряет проведение каких-либо ритуалов, описанных в настоящем издании, и попросит покупателя подписать документы, освобождающие «Сотбис» от ответственности и от претензий

по возмещению ущерба, если тот все же решит воспользоваться книгой как руководством к действию.

Начальная ставка на торгах составит 520 000 фунтов стерлингов.

На прилагающейся к тексту фотографии была запечатлена серебристая книга с замысловатыми застежками, похожая на старинную библию. Такую непросто спрятать.

Не она ли сейчас находится у Адама, не ее ли он пытается сбить с рук, прикрываясь Эмбер?

Из задумчивости Чарли вывела Барб, подъехавшая на своем слегка помятом ярко-синем минивэне. Опустив стекло, она расплылась в широкой улыбке:

– Залезай, крошка.

Чарли забросила сумку на пол и вскарабкалась на пассажирское сиденье. Среди людей, с которыми она познакомилась, работая барменом в заведениях по всей Долине, Барбара Панганибан, без сомнения, была ее любимицей.

– Нынче ночью у меня дома куча народу, – сообщила Барб, задним ходом выруливая со стоянки. Ее густые черные волосы были перехвачены косынкой оливкового цвета, а надетая поверх майки поварская куртка расстегнута. – Сначала хотела предупредить, но потом решила, что проще будет тебя похитить.

Несколько раз в месяц, обычно по выходным, Барб и ее подруга Эйми принимали у себя разношерстную компанию из тех, кто работал в общепитах и других местах, где смены заканчивались после полуночи. В таких случаях Барб готовила гигантскую кастрюлю пансита⁶ по рецепту, который ее бабушка передала маме еще на Филиппинах, или размораживала арроз-кальдо⁷, а гости либо приносили что-нибудь с собой (в основном выпивку), либо готовили на месте (часто экспериментальное).

Когда они с Барб работали вместе, Чарли бывала у нее регулярно, но потом случилась афера в Вустере, следом еще более странная махинация в Олбани, затем ее подстрелили. Ну а после знакомства с Винсом Чарли и вовсе появлялась у Барб лишь эпизодически. Все же Чарли следовало бы проверить даты сообщений в мессенджере, тогда она бы не была застигнута врасплох.

– Едем! – объявила Барб. – Эйми по тебе соскучилась.

Это казалось маловероятным. Эйми была лет на десять старше Барб, худенькая и такая тихая, что даже говорила исключительно шепотом. Чарли не знала, то ли она втайне наслаждалась энергией, через край бьющей на этих сборищах, то ли просто так сильно любила Барб, что была готова мириться с ее кошмарным представлением о веселье. В любом случае, у Чарли никогда не складывалось впечатления, что Эйми запомнила, кто она такая.

– Уж не взыщи, что я с пустыми руками, – отозвалась Чарли, думая о том, что ей в самом деле может пойти на пользу проведенное в гостях время. Если бы она просто отправилась домой, то непрерывно думала бы о том, не у Адама ли книга Солта и сможет ли она ее достать, или спорила бы с Пуози касательно приобретения дури. – Винс заберет меня по дороге с работы.

– Пригласи его зайти, – сказала Барб. – Хочу наконец увидеть этого таинственного парня. В Долине почти не встретишь человека, с которым не знаком сам либо кто-то из твоих приятелей.

С этим утверждением Чарли могла бы поспорить.

Пятнадцать минут спустя они въехали на переполненную подъездную дорожку старого фермерского дома, стоящего в тени горы Том на берегу Оксбоу, притока реки Коннектикут. К Эйми этот дом, испокон веку находящийся во владении ее семьи, перешел после смерти дво-

⁶ Лапша по-филиппински.

⁷ Филиппинский куриный суп с рисом.

юродной бабушки. С тех пор как был построен, он сильно увеличился в размерах, а последние значимые преобразования случились в пятидесятых годах. Один угол кухни целиком занимала изысканная электрическая плита горчичного цвета, а все полы, в том числе и в ваннных комнатах, были застелены тускло-оранжевыми ворсистыми коврами.

Из колонки «Сонос» гремела музыка, которой пытались управлять по меньшей мере три человека. В воздухе пахло имбирем, жареным луком и пищей.

Эйми тут же подскочила к Барб, чтобы поприветствовать ее поцелуем. Одета она была в легинсы и майку, открывающую руки, на которых имелись татуировки в виде карпов кои, а длинные, ниже талии волосы свободно струились по спине. Эйми шепотом сообщила Чарли, что еда и напитки в столовой и что у них закончился лед.

Чарли поблагодарила и, решив, что незачем ей ходить за Барб, как утенок за мамой-уткой, отправилась налить себе выпить. По дороге она миновала сидящих на ковре Энджела и Йена, которые играли в шахматы, используя вместо фигур разные закуски. У Йена в уголке рта была зажата электронная сигарета на манер сигары. Оба работали в «Космика», закусочной, где подавали гамбургеры с мясом буйвола и множество коктейлей. Заметив Чарли, Йен так широко разинул рот, что электронная сигарета упала на доску и подтолкнула сырную слойку в сторону картофельного ломтика.

Однажды ночью, когда ни один из них не был в состоянии принимать правильные решения, они с Йеном переспали. Чарли надеялась, что это обстоятельство не испортит ей нынешний вечер.

В сидящем на диване парне, уткнувшемся в альбом для рисования, Чарли узнала художника веб-комиксов, который на протяжении многих лет создавал удивительно обширную и детальную историю о мышонке-воине, лишь сравнительно недавно начавшую набирать большую читательскую аудиторию. Ходили слухи, что он стал зарабатывать серьезные деньги.

Сидящий рядом длинноволосый мужчина явно считал, что дела у художника идут хорошо, поскольку пытался убедить его вложить деньги в наркотележку. Это что-то вроде фургончика с мороженым, но торгует конфетами с дурью и косяками. Волосатик уверял, что, разъезжая по окрестностям, наркотележка принесет много пользы пожилым людям, которым трудно передвигаться без посторонней помощи. Кто-то выразил сомнения, что подобное предприятие законно, но по-настоящему жаркий спор вспыхнул, когда стали обсуждать, какую мелодию лучше проигрывать для привлечения клиентов.

Тут же вспомнили и о кайфе, который некоторые из присутствующих успели попробовать.

– Я ходил к одной альтерационистке, Рэйвен ее звали, в Питтсфилде, – поделился Волосатик. – И она погрузила меня в состояние такого безграничного счастья, что я чуть под колеса полуприцепа не угодил. Но оно того стоило. Похоже на чувство, которое испытываешь в детстве, зная, что все лето впереди, а тебя к тому же переполняет восторг первой любви.

На кухне Дон спорил со своей девушкой Эрин. Выяснение отношений этой чумовой парочкой нередко сопровождалось слезами и криками. Дон был барменом в «Цилиндре», милом заведении и одном из первых, откуда Чарли уволили.

Плеснув себе в пластиковый стаканчик на четыре пальца бурбона «Старый ворон», Чарли бочком протиснулась мимо Дона и Эрин к морозилке, намереваясь достать лед, и тут вспомнила, что его там нет. Решила разбавить небольшим количеством холодной воды, чтобы сгладить резкость. Дон наклонил голову, не желая показывать, что вытирает глаза.

По крайней мере, на этот раз не она плачет на кухне.

– Чарли Холл! – окликнул ее Хосе. – Давненько тебя не видел! Наша компания тебе больше не по вкусу?

Он стоял вместе с Кейтлин и Сьюзи Лэмбтон, которая и сказала Дорин о том, что Чарли сродни дьяволу.

– Слышала что-нибудь о нем? – потребовал ответа Хосе, когда она подошла к ним. Он работал в крошечном гей-баре под названием «Голубки», где и познакомился со своим бывшим – тем самым, который уехал в Лос-Анджелес за новым возлюбленным, заставив Чарли работать две смены подряд.

Чарли отрицательно покачала головой.

– Но у Одетты в его личном деле должен быть адрес для отправки последнего чека. Могу узнать, на случай, если захочешь послать ему какую-нибудь заколдованную штуку или что-то в этом роде. А еще есть специальная служба, которая предлагает доставить любому твоему врагу блески. Просыпав, он от них вовек не избавится. Недаром же блески зовутся герпесом ремесленного мира⁸.

Хосе слабо улыбнулся в ответ, явно погруженный в свои страдания.

– Этот счастливчик, наверное, греется сейчас на солнышке, ест авокадо с деревьев, растущих у него на заднем дворе, и каждую ночь занимается сексом с каким-нибудь горячим серфером. А вот мне больше не суждено найти свою любовь.

– Я же предлагала свести тебя со своим двоюродным братом! – воскликнула Кейтлин.

– Это с тем, который поднял с пола в ванной дохлую моль и съел? – вопросительно вздернул брови Хосе.

– Когда был ребенком! Не можешь же ты до конца жизни его этим попрекать, – запротестовала Кейтлин.

– Похоже, мне проще обратиться к темноделу – пусть лишит меня способности испытывать хоть какие-то чувства, – театрально объявил Хосе. – Возможно, тогда я вновь обрету утраченное счастье.

– Без чувств счастлив ты точно не будешь, – заметила педантичная до кончиков когтей Кейтлин.

Тут до Чарли дошло, что ее прибытие на вечеринку совпало с тем временем, когда все уже основательно накачались спиртным и сделались либо воинственными, либо брюзгливыми. Она отхлебнула «Старого ворона», решив, что нужно поскорее с ними сравняться.

– Тебя, как я слышала, Дорин искала, – заметила Сьюзи, пока Кейтлин и Хосе продолжали спорить о том, допустимо ли целовать губы, оскверненные соприкосновением с молью.

Одежда на Сьюзи была вроде той, что продается в комиссионных магазинах, но выглядит дороже новой: платье с желтым рисунком и пышными рукавами и массивное ожерелье. Ее темные волосы были собраны на затылке черепаховой заколкой.

Некоторые из присутствующих, возможно, слышали, что Чарли «все уладила» для кого-то, попавшего в переделку, или что она как-то связана с преступным миром, но подробностей никто не знал. Поэтому и видели в ней ту, кого ожидали увидеть: вечную неудачницу, неспособную долго продержаться ни на одной работе, – и к тому же склонную к случайным связям, когда сильно напивалась.

Но Сьюзи Лэмбтон было известно чуть больше, чем прочим. Когда она училась в Гэмпширском колледже, один профессор пытался исключить ее за то, что написала статью, в которой выдала чужие идеи за свои, но Чарли нашла способ убедить его этого не делать.

– Адам пошел вразнос, – пожалала она плечами. – Дорин попросила меня найти его и вернуть домой.

– На твоём месте я бы не стала вмешиваться, – посоветовала Сьюзи. – По достижении определенного возраста люди просто обязаны сделать над собой усилие – или опустятся на дно. Адаму уже за тридцать, но он по-прежнему живет так, как будто ему двадцать. Может всю ночь пьянствовать, а наутро заявиться на работу, любит азартные игры и тому подобную хрень. На следующие выходные я отправляюсь на йога-ретрит. Приглашаю присоединиться.

⁸ Высказывание принадлежит американскому стендап-комику Деметри Мартину.

– Слишком поздно, – ответила Чарли и, отсалютовав пластиковым стаканчиком, добавила: – Давай выпьем за мудрые советы и плохие решения.

Сьюзи, которая, вероятно, в самом деле была повинна в плагиате, повторила ее жест.

Полчаса спустя приехал Винс. Получив от Чарли сообщение, что на вечеринке закончились лед и апельсиновый сок, он предусмотрительно прихватил с собой и то и другое.

Она подошла и обняла его, зарывшись лицом в его шерстяное пальто, пахнущее листьями и холодным ночным воздухом. Он едва заметно улыбнулся уголками губ, и Чарли вдруг ощутила прилив странной, горько-сладкой тоски по тому, кто уже принадлежал ей.

Тина, которая работала журналисткой в «Гэмпшир-газетт» и уже изрядно приняла на грудь, во всеуслышание размышляла о том, чтобы изменить свою тень – ей хотелось обзавестись кошачьим хвостом.

– Парням подобное очень нравится, – провозгласила она.

Другие были с ней не согласны. Эйми считала, что Тине не следует потакать мужским прихотям. Йен хотел, чтобы все знали: он считает это отвратительным. Какому нормальному человеку взбрет в голову совокупляться с животными? Только художник согласился, что задумка зажигательная, хотя сам он создает комикс о дерзких мышках.

Чарли попыталась втолковать Тине, что та, возможно, неверно все поняла, и вместо того чтобы «обзавестись хвостом», имелось в виду куда менее поэтическое и куда более грубое выражение: «отодрать и в хвост, и в гриву».

– Хвост? Речь о русалках, да? – осведомился Винс невинным тоном только что присоединившегося к разговору человека, так что трудно было понять, то ли он шутит, то ли правда не расслышал, что до этого с таким жаром обсуждали.

В любом случае, это было забавно, и все засмеялись.

Наливая себе еще бурбона – на этот раз со льдом, – Чарли порадовалась тому, что все же не отказалась заглянуть на вечеринку. Изрядно набравшись, она теперь испытывала теплые чувства к присутствующим и всем своим видом как будто говорила: «Смотрите, я нормальный человек, который совершает нормальные поступки».

Чарли съела немного сыра, который Тина приготовила из молока собственных коз – вкус у него был странный, но никому не хватило духу в этом признаться, – и то и дело улыбалась без всякой причины. Затем она услышала, как Йен громко, перекрывая звучащую из колонки музыку, обращается к Винсу:

– Привет, Винс. Что самое худшее тебе доводилось видеть на работе? – В его вопросе явно сквозил вызов.

Винс, сидевший в кресле и о чем-то разговаривавший со Сьюзи и Хосе, поднял голову. Чарли отметила, что кресло это явно подрано кошкой: в прорехах на подлокотниках видна обивка.

– Да в ней вообще нет ничего хорошего, – ответил он, явно пытаясь увести разговор в сторону.

– И все же должно быть что-то особенно омерзительное. Плавающее в раковине глазное яблоко. Прилипшие к потолку волосы. Ну же, рассказывай! – Йен недружелюбно ухмыльнулся. – Развлеки нас.

Вплоть до этого момента Чарли чувствовала себя отлично. Ее нынешний парень, в отличие от предыдущих, не дулся в углу, не болтал глупости и не лез в драку. Винс был готов слушать, поощряя собеседника заинтересованными восклицаниями, которые еще больше развязывали языки любителям говорить без умолку. Но как бы хорошо ее друзья ни ладили с Винсом, приятный вечер все равно оказался под угрозой срыва.

– Йен, – предупреждая произнесла Чарли, стараясь, чтобы голос звучал так же строго, как у Одетты, орудующей плеткой-девятихвосткой в своей каморке для утех.

Йен ухмыльнулся в ответ, и Чарли внезапно поняла, что дело вовсе не в нездоровом любопытстве, а в некоем странном чувстве, которое он к ней испытывает. Либо хотел ей что-то доказать, либо подгадить.

– Я просто спросил. Пытаюсь познакомиться с парнем поближе. Я имею в виду, если ты, блин...

Не дав ему договорить, Винс поднялся с кресла.

– Однажды мне довелось видеть человека, вывернутого наизнанку.

Чарли привыкла к тому, что он немного сутулился, стараясь не занимать слишком много места и не казаться чересчур пугающим. Теперь же он расправил плечи и напряг мышцы рук. Его голос звучал спокойно, как и всегда, но от услышанного у Чарли волоски на руках встали дыбом.

– И таким было все: кости и органы, пальцы рук и ног. Всё. Его реально вывернули наизнанку, как носок.

– Правда, что ли? – спросил впечатленный Йен.

– Нет, – с каменным лицом ответил Винс, вызвав смех тех, кто стоял поблизости. Не сдержалась даже Чарли, сама себе удивляясь.

– Ладно, чувак, не буду больше спрашивать о твоей дурацкой работе, – сказал Йен, подходя вплотную к Винсу, словно провоцируя того нанести удар.

Винс не отреагировал, и Йен сам его толкнул, а Винс ему позволил. Его глаза при этом осветились едва сдерживаемым ликованием, которого Чарли никогда прежде не видела.

– Моя работа по большей части заключается в том, чтобы стирать со стен ошметки мозгов. Особо и рассказать-то нечего.

Мгновение парни молча смотрели друг на друга. Побледнев, Йен опустил голову.

– Вот уж не думал, что ты такой скучный, – пробормотал он.

Пожав плечами, Винс снова опустился в кресло, как будто ничего особенного не случилось. И не должно было случиться.

Чарли совсем было собралась извиниться, но тут Сьюзи Лэмбтон взгромоздилась на подлокотник кресла, в котором сидел Винс, и, коснувшись его плеча, что-то сказала. Отбросила волосы назад. Залилась смехом. Винс в ответ улыбнулся одной из своих настоящих улыбок, а Чарли вдруг испытала внезапное и почти непреодолимое желание оттолкнуть эту нахалку от своего парня.

Вместо этого она снова глотнула бурбона.

– Едва ли тебе удастся воспламенить ее взглядом, – заметила Барб, а Чарли обиженно отвернулась.

– И вовсе я не...

Барб расхохоталась.

– Подойди к Винсу и скажи, что он повел себя правильно. Незачем позволять маленькому говнюку оскорблять себя.

– Я уверена, что Винс это переживет, – сказала Чарли, слегка нахмурившись. – Он никогда не сердится.

Счастливым обладателем волос цвета старого золота, Винс сумел привлечь внимание даже Сьюзи, решившей с ним пофлиртовать. Он нравился многим девушкам, а Чарли, напротив, обладала крикливой внешностью. В изгибах ее тела едва ли имелся тайный смысл, и в ее декольте не было никакой утонченности. Возможно, именно поэтому Сьюзи и решила, что у нее есть шанс.

Сейчас она училась в магистратуре в колледже Смита⁹, а арендную плату за ее квартиру, если верить слухам, до сих пор вносили богатенькие родители. Сьюзи была настолько искусна

⁹ Частное учебное заведение в Нортгемптоне, штат Массачусетс.

в йоге, что могла стоять на голове. Возможно, у нее и правда имелись все шансы обратить на себя внимание парня вроде Винса.

– Сурово ты, – заметила Барб. – Бросила его на съедение волкам. Ну, точнее, всего одной волчице, но ты поняла, что я имею в виду.

Чарли лишь плечами пожала.

– Если дело дойдет до секса втроем, не вздумай винить в этом меня, – не унималась Барб.

Чарли закатила глаза. Решив подышать свежим воздухом, она вышла на крыльцо. Ее тревожило то, насколько сильно она разозлилась на Сьюзи. Она ведь не ревнует Винса. Глупости какие!

Нет смысла страдать из-за парня, который уже принадлежит тебе.

«Это все алкоголь виноват», – сказала она себе, садясь на висащие на крыльце качели. Только бы не было пауков!

В большинстве близлежащих домов свет не горел, и ее внимание привлекли те немногие, что были освещены. Вот детская, озаряемая мягким розоватым светом ночника. А тут смотрят телевизор: видно, как на экране одно изображение сменяет другое. Над дверью гаража кто-то оставил включенный фонарь – явно отошел ненадолго и скоро вернется. Некогда вся эта местность была застроена фермами, на которых, вероятно, выращивали табак, поскольку, проезжая по проселочным дорогам, и по сей день можно заметить обветшалые сушильные сараи.

За шоссе протекала река Коннектикут, черной змеей обвиваясь вокруг горы Том, а потом, фигурально выражаясь, сбрасывала кожу и превращалась в реку Чикопи, затем в Быструю реку и, наконец, в водохранилище Кваббин. Чарли помнила, как, будучи ребенком, посещала эти места со школьной экскурсией. Они тогда были на рыбноводном заводе, а затем поднялись на смотровую башню. Стоя наверху и глядя вниз, на воду, Чарли гадала, сможет ли высмотреть под волнами затонувшие здания.

Кваббин был искусственным водохранилищем, созданным в результате затопления четырех городов, жители которых, конечно, переехали, а вот их дома, магазины и прочие постройки остались на прежних местах. Они и по сей день находились под водой, со всем, что хранилось в их стенах. Но постороннему человеку, не знающему, куда смотреть, их ни за что не обнаружить.

Потом мысли Чарли перекинулись на движущиеся в темноте тени, которые, как и затонувшие города, невозможно заметить невооруженным глазом.

– Готова ехать? – спросил Винс, громко хлопая дверью.

Чарли так и подпрыгнула от неожиданности. В свете фонаря над крыльцом глаза Винса казались серебристыми и выглядели, честно говоря, жутковато.

– Никакого секса втроем? – уточнила она через мгновение.

Винс нахмурился, глядя на нее так же растерянно, как и тогда, когда она прочитала французскую фразу с экрана своего телефона, и Чарли пожалела, что не может заставить его сказать ей, о чем он думает. Конечно, вполне возможно, что он просто устал и хочет домой, а ее приятелей счел досадным недоразумением. Или, возможно, размышляет о том, что с ней что-то глобально не в порядке.

– Не бери в голову.

Она встала с качелей и отряхнула брюки. Ей нужно перестать искать неприятности там, где их нет. Нет, не так. Нужно перестать искать неприятности – и точка.

* * *

Дома, готовясь ко сну, Чарли умылась и надела футболку. Она уже начала перелезать через Винса на свою сторону матраса, когда он положил руку ей на бедро. В первое мгновение Чарли замерла, а потом села верхом ему на грудь.

Луна за окном казалась яркой серебряной монетой на черном бархате неба. Она освещала комнату достаточно хорошо, чтобы Чарли сумела рассмотреть затаившееся во взгляде Винса напряжение. Вытянув руку, он запустил пальцы ей в волосы.

– У тебя хорошие друзья, – слегка усмехнувшись одной стороной рта, заметил он. – По большей части.

Ей стало интересно, собирается ли он спросить о Йене.

– А ты пользовался бешеной популярностью, – парировала она.

– Это потому, что я принес лед, – пояснил он, явно не веря ее словам. – Всем нравится парень, который приносит лед.

Чарли могла бы объяснить, насколько ужасными были предыдущие парни, которых она приводила на вечеринки к Барб, и каким замечательным на их фоне казался Винс, но подобное сравнение не польстило бы ни одной из сторон.

– Мне – так точно! – согласилась она, прежде чем поняла, что именно сказала. Она хотела обратить все в шутку, объяснить, что ей нравится лед, а не сам Винс, но его, похоже, ее слова несколько не встревожили, и через мгновение острый всплеск паники прошел. Просто она пьяна, а люди в таком состоянии частенько мелят всякий вздор.

– Наклонись пониже, – велел Винс.

Чарли повиновалась, и он провел большим пальцем по ее скуле, едва касаясь кожи. Она накрыла их обоих своими волосами, точно занавесом. Винс приподнялся, чтобы поцеловать ее, осторожно, как будто она была хрупкой драгоценной статуэткой. Или сахарной ватой. Или крылом бабочки. В общем, кем угодно, только не занозой в заднице. И не камнем, которым вот-вот запустят в окно. Не Чарли Холл.

Может быть, Винс думал, что именно так и нужно целовать девушек, как сам он целовал ту, чью фотографию и по сей день хранил у себя в бумажнике. Может быть, таков был его способ проявить уважение. Но всякий раз, когда он так делал, Чарли воспринимала это как вызов.

Она наклонилась, положила руку ему на грудь и скользнула пальцами под пояс его пижамных штанов. Ей нравилось, как у него перехватывает дыхание. Нравилось, что с каждым следующим поцелуем его губы становятся все смелее, а язык – развязнее.

Отстранившись, Чарли поспешно стянула с себя и отбросила прочь трусики, не потрудившись снять рубашку. Затем она поползла назад на четвереньках. Винс склонился над ней, накрывая ее тело своим. Его рот скользнул вдоль ее шеи к плечу, а пальцы легли на грудь прямо над сердцем.

Когда тело Чарли содрогнулось от экстаза, она позволила себе без остатка раствориться в этом ощущении, позабыв о сожалениях.

6 Зефирный тест

Чарли со стоном перевернулась на другой бок, постепенно пробуждаясь. Из кухни по всему дому распространялся дразнящий аромат свежесваренного кофе. С улицы доносился размеренный гул воздуходувки, и шуршали разгоняемые ею листья. На вечно протекающем потолке высохшие коричневатые потеки образовывали узоры, как в тесте Роршаха. Вот пистолет, а вон там козел и песочные часы. При гадании на чайных листьях появление этих символов служило неким предупреждением. Потерев лицо тыльной стороной ладони, Чарли встала с матраса.

Пошарив под одеялом, выудила свои трусы и бросила в кучу грязного белья вместе с рубашкой, в которой спала. Обнаженная, она снова плюхнулась лицом на матрас и достала одноразовый телефон. Ей нужен был план получше, чем состоящий в том, чтобы просто (1) заявиться в гостиницу «ЭмДжиЭм» и разочаровать Адама тем, что она не Эмбер, а затем (2) заставить его пойти домой и разочаровать Дорин своим нынешним состоянием.

Но... если «Liber Noctem» в самом деле у Адама, Чарли хотелось заполучить эту книгу.

«Думаю, я смогу быть у тебя к четверти второго ночи, – напечатала она. – Оставь мне ключ на стойке регистрации, и я просто поднимусь к тебе в номер».

Почти во всех гостиницах, чтобы привести в действие лифт, требовался электронный ключ, и, не дав его Чарли, Адаму пришлось бы самому за ней спуститься. Она надеялась, что он захочет немного облегчить задачу для них обоих.

«Хорошо», – написал он в ответ.

«Тогда до скорого», – добавила Чарли.

Как только она приедет в гостиницу, то получит ключ. После чего отправит Адаму сообщение о том, что передумала, так как ей неудобно идти в номер к незнакомому парню. Зная, что выпивку в казино продают до четырех утра, она предложит встретиться там. Адам, конечно, может быть уставшим – или его разозлит ее смена планов, – но едва ли он откажется от работы из-за ее просьбы спуститься вниз.

Чарли решила, что, завладев ключом от его номера, сумеет проникнуть внутрь, пока он будет ждать ее в баре казино. Если только он не спрятал книгу в стенном сейфе, она ее найдет, заберет – и поминай как звали. Ну а если он и правда положил книгу в сейф, Чарли располагала достаточным количеством сведений, предоставленных Дорин – дата их с Адамом свадьбы, день рождения ребенка, его день рождения, – чтобы угадать очевидные комбинации цифр.

Маскировка для нее также не проблема. Необходимо будет изменить свою внешность настолько, чтобы Адам не узнал ее на записях с камер наблюдения, если вдруг попросит охрану их ему показать. Для этой цели в глубине ящика комода у Чарли имелась целая коллекция париков, аккуратно упакованных в пакеты с застежками-молниями.

Выбрав каштановый, она забросила его в свой рюкзак вместе с тюбиком вызывающе красной помады, блестящим облегающим платьем и парой туфель на плоской подошве, в которых удобно спасаться бегством. После чего переделась для работы: черная футболка, юбка поверх велосипедных шорт и верные уродливые кроксы.

Раз «Королла» еще может доставить ее в Спрингфилд и привезти обратно, Чарли по силам получить то, о чем прежде она и мечтать не могла – чувство удовлетворения оттого, что обокрала самого Лайонела Солта. Возможно, она даже уничтожит книгу и отправит ему искореженные остатки расплавленного металла.

Завладев «Liber Noctem», она выдаст Адама Дорин, и пусть та сама думает, как вернуть его домой.

* * *

Чарли работала на автопилоте: добавляла «ангостуру» в коктейль «Олд фешен», разбавляла отвратительную водку «Смирнофф» ликером «Шамбор» в соотношении 2:1, принимала оплату. На сцене трио трансвеститов в зловещих блестящих нарядах в стиле «Эльвира: повелительница тьмы» исполняло песни девяностых. Смешивая напитки, Чарли поймала себя на том, что рада хоть чем-то занять руки, чтобы отвлечься от своих лихорадочных мыслей.

До начала осуществления ее плана оставалось еще несколько часов, но она уже ощущала прилив адреналина, была сосредоточена и, что называется, пребывала в состоянии боевой готовности. Как будто по-настоящему проснулась только теперь, когда нужно разгадать головоломку, сулящую потенциальный триумф и выход за пределы привычной давящей ежедневной рутины, состоящей из пробуждений, приемов пищи, работы и нескольких часов перед сном, которые можно уделить тренировке, стирке, занятию сексом, уборке на кухне или просмотру фильма. И еще, конечно, можно напиться.

Однако из такой давящей ежедневной рутины и складывалась вся жизнь, не предполагающая стремления к недостижимым высотам.

Чарли получила пару зачетов в местном общественном колледже, прежде чем и там тоже основательно все испортила. «Преступники, – вещал ее древний, начавший впадать в слабоумие профессор, – напрочь лишены самоконтроля». Далее он рассказывал о проведенном эксперименте, в ходе которого перед ребенком клали зефирку и говорили, что если сумеет дождаться возвращения исследователя, то получит не одну, а целых две. Как показали результаты, нетерпеливые дети, съедавшие выданную им зефирку, в будущем с большей долей вероятности превращались в преступников, совершали безрассудные поступки, превыше всего остального ценили удовольствия и азарт, крали, когда думали, что им это сойдет с рук, и лгали ради собственной выгоды. В общем, те, кто постоянной выгоде предпочитал мимолетные радости.

Чарли налила три рюмки шартреза с ярко-зеленым, точно яд, отливом, потом смешала коктейль «Грязный мартини» и опустила в его мутные недра оливки.

Одновременно она перебрала в уме все, что может пойти не так. Вспомнила и о хранящихся в кабинете Одегты чеках, в одном из которых значилось имя того мертвого парня, который хотел продать украденную страницу из «Liber Noctem». Если остальная часть книги также у него, а Адам выступал всего лишь посредником, то весь прекрасный план Чарли полетит псу под хвост, и никакая добыча ей в гостиничном номере Адама не светит. С другой стороны, знай она имя парня в твидовом костюме, могла бы потом заявиться к нему домой.

Возможно, не так уж и сильно она изменилась.

Если бы в детстве кто-нибудь положил перед ней зефирку, она бы сразу же ее съела, потому что взрослым доверять нельзя: они далеко не всегда выполняют свои обещания.

В десять вечера Чарли полагался получасовой перерыв, в течение которого она получила возможность сходить в туалет и чего-нибудь перехватить, прежде чем снова включиться в работу до часу ночи – с еще одним перерывом всего на пятнадцать минут. Обычно она бегала за ramenом в «Дайкайдзю» (это заведение находилось всего в нескольких кварталах от бара), но сегодня заскочила в круглосуточный магазин на углу и купила порцию макарон с сыром (их надлежало перед употреблением разогреть в микроволновой печи), упаковку основательно сморщившегося винограда и бутылку кокосовой воды.

На обратном пути она выпила воду, выбросила виноград в мусорный контейнер и, пройдя через большие черные двойные двери «Экстаза», направилась прямоком в комнату отдыха. Которая технически являлась частью кулис, но там имелась микроволновка и место, чтобы присесть.

Поскольку исполнители были на сцене, против присутствия Чарли никто не возражал. Она шагнула к атласному розовому дивану, обивка которого пока несильно пострадала от моли. На длинном зеркальном трюмо грудой громоздились всевозможные косметические средства. Кронштейн прогибался под весом сверкающих сценических костюмов, грозя вот-вот рухнуть под их тяжестью. На вбитом в стену крючке в ожидании возвращения владельцев висело несколько забытых предметов туалета, включая и темно-красный атласный брючный костюм, который Чарли очень хотелось заполучить. На маленьком приставном столике рядом с диваном стоял грязно-кремовый стационарный телефон.

Основная зона «Экстаза», включающая бар и сцену, была не такой уж большой и могла вместить около сотни человек, стоящих плечом к плечу. Плюс еще тридцать с учетом расположенного в подвале теневого салона Бальтазара. Из раздевалки с микроволновкой, на стеклянной платформе которой крутились сейчас купленные Чарли макароны с сыром, в заднюю часть помещения вел только один коридор. Прямо напротив него находилась большая металлическая дверь в кабинет Одетты.

«Я лишь одним глазком посмотрю на чек», – уверила себя Чарли. Имя клиента ведь не является секретом. Чарли собственноручно пропустила его кредитку через терминал и дала ему чек на подпись и ручку. Будь она повнимательнее, то уже знала бы интересующую информацию.

Пройдя по коридору, Чарли постучала в дверь кабинета Одетты и, не получив ответа, вошла внутрь. Стены здесь оказались оклеенными обоями с рисунком из сверкающих золотых ножей. В центре комнаты стоял фиолетовый стальной стол с порошковым покрытием, а на нем – включенная латунная лампа. Вдоль задней стены тянулась книжная полка в стиле ар-деко, заваленная стопками бумаг. Рядом с ней обнаружилась вторая – стальная – дверь, оставленная приоткрытой. За ней находилась каморка для утех. Стоя на пороге, Чарли видела, что она маленькая и хорошо организованная, с собачьей клеткой в одном углу и крестом Святого Андрея, занимающим большую часть пространства.

Одетта Чарли нравилась – и работать в «Экстазе» тоже. Одетта позволяла ей заказывать сухой лед, настаивать водку на лимонах, имбире или перце в больших стеклянных чанах, которые хранились в прохладном месте под сценой. Чарли получала зарплату и приличные чаевые, а если кто-то доставлял ей неприятности, его выводили прочь из заведения.

Глупо было рисковать хорошей работой ради чего-то, что на самом деле не имело значения. Даже если и найдет книгу, что с того? Ну, получит она принадлежащую Солту вещь, но это будет несравнимо с тем, что он отнял у нее.

Однако пока в ее голове проносились подобные мысли, пальцы перебирали лежащие на столе Одетты чеки. Итак, зефирный тест Чарли Холл с треском провалила, поскольку не в состоянии контролировать свои порывы и не совать любопытный нос куда не следует.

А вот и он – нужный ей чек за «Четыре розы» стоимостью 4 доллара 25 центов. Парень добавил всего пятьдесят центов чаевых, жадюга, но, как известно, нельзя плохо говорить о мертвых. А звали его Пол Экко. Чарли засунула чеки обратно в неоновый-фиолетовый конверт и застегнула его, мысленно повторяя имя парня. Она схватила ручку, намереваясь записать имя на руке, а потом быстренько вернуться в комнату отдыха, как вдруг вошла Одетта.

При виде Чарли она вздрогнула.

«Черт, – выругалась про себя Чарли. – Черт. Черт. Черт».

– Шарлотта? – окликнула ее начальница строгим, как у школьной учительницы, голосом.

Должно быть, таким же тоном она обращалась к своим клиентам, прежде чем отхлестать их плетью, а потом выставить счет за оказанные услуги.

– Прошу прощения, – тут же среагировала Чарли, вскидывая вверх руку. – Я искала ручку.

– Это мои ручки, дорогуша. – Одетта все еще казалась раздраженной, но, похоже, поверила, что преступление Чарли состоит именно в том, в чем она только что призналась.

– Простите, – снова пробормотала Чарли.

– И чтобы больше без разрешения сюда ни ногой! «Экстаз», конечно, заведение декадентское и неформальное, но это отнюдь не означает полное отсутствие правил.

– Конечно, – поспешно кивнула Чарли.

– Вот и хорошо, – сказала Одетта, давая понять, что Чарли надлежит немедленно убраться из ее кабинета.

Что та и сделала, понимая, как ей повезло.

Снова оказавшись в гримерке и жуя свою низкопробную еду, щедро сдобренную острым соусом, Чарли достала телефон и набила «Пол Экко» в строку поиска. В местных новостях о нем не было ни слова – и, конечно, никакого некролога. Тогда она добавила к его имени слово «книга» и с удивлением обнаружила, что в третьем выпавшем результате поиска он значится как «торговец редкими и антикварными изданиями» в магазине под названием «Антикварные книги», который располагался в одном из зданий Истгемптонской мельницы и принимал клиентов «только по предварительной записи». Его сайт мог похвастаться широким ассортиментом, включающим несколько первых изданий, в основном научной фантастики и комиксов, и целым разделом, посвященным старинным магическим фолиантам.

В мире сумеречников торговцы редкими книгами занимали особое положение благодаря готовности прочесывать богом забытые книжные лавки, роясь в грудах старых замшелых коробок в поисках единственной скрытой жемчужины. Они могли обнаружить тома, о существовании которых никто другой даже не подозревал, или оказать посреднические услуги ворам, жаждущим сбыть товар по самой высокой цене.

Конечно, вполне возможно, что Пол Экко был одновременно и торговцем редкими книгами и вором, но более вероятным казалось, что именно его Адам попросил сбыть из-под полы «Liber Noctem». После смерти Экко Адаму понадобился новый исполнитель, и выбор пал на Чарли.

Если эти предположения соответствуют действительности, то книга сейчас, по-видимому, у Адама, и это хорошая новость. Но зачем Экко приносил с собой всего одну страницу, если у него имелся доступ к целому тому? Неужели хотел одурачить Бальтазара?

Чарли снова задумалась о том, что лучше бы ей нанести визит Полу Экко. Но прежде нужно выяснить, есть ли кто-нибудь в его книжном магазине.

Старый проводной телефон поприветствовал Чарли гудком, когда она поднесла трубку к уху. Она набрала нужный номер. Два гудка, и грубый и чересчур нетерпеливый голос объявил:

– «Антикварные книги»!

– Я бы хотела поговорить с Полом, – сообщила Чарли, гадая, какой ответ получит.

– Пол слушает. Вы ищете книгу?

– Да. «Ведьма и невезучий братец», иллюстрированное издание, – с колотящимся сердцем симпровизировала Чарли. Если только это не другой Пол Экко, то человек, с которым она сейчас разговаривает, выдает себя за мертвеца. – О котором мы с вами вчера говорили.

Вчера – это через день после того, как его убили.

– Ах да, – сказал мужчина. – Только что поступило несколько коробок, так что мне нужно посмотреть опись. Я вам перезвоню. Назовите свое имя и номер телефона... – Он сделал паузу, ожидая, что Чарли сама доскажет остальное.

Проблема с телефонами и идентификацией вызывающего абонента заключалась в том, что собеседник, скорее всего, уже узнал номер «Экстаза», так что единственное, о чем можно было солгать, – это ее имя.

– Мисс Дамиано, – сказала она, назвав фамилию Винса вместо своей собственной. – Можете спросить меня по этому номеру.

– Я свяжусь с вами очень скоро, – зловеще пообещал он. – Доброй ночи, мисс Дамиано. Леденящим душу его прощание ей вовсе не показалось. Взглянув на экран своего сотового, она узнала, что до окончания ее перерыва и возвращения за барную стойку осталось всего семь минут. Не так уж и много времени. Но был еще один человек, который знал что-то стоящее о Поле Экко.

Чарли отодвинула бархатную занавеску и, перешагнув ониксовый порог, оказалась на верхней ступеньке лестницы (также из оникса), которая привела ее напрямик в теневой салон Бальтазара.

Хотя ослабление силы теней на короткий период прохождения по ступеням не было особенно полезным, другое свойство оникса казалось куда более важным – оно заставляло ожившие тени сгуститься. Инкрустированное ониксом оружие ценилось столь высоко именно благодаря способности поражать тени сумеречников.

Потолок в помещении был низким, а стены, как и в остальной части «Экстаза», выкрашены черной, поглощающей свет краской. Несколько человек сидели за столиками, склонившись над своими напитками, и о чем-то негромко переговаривались. Одна девушка закрыла глаза, а сидящий рядом темнодел производил какие-то манипуляции с ее тенью, очень похожие на шивание. Парень со скейтбордом развалился на стуле, запрокинув голову к стене и закатив глаза.

В глубине помещения имелась еще одна бархатная занавеска, отгораживающая закуток с парой клубных стульев – для клиентов, – стоящих у небольшого обшарпанного деревянного стола, за которым сидел Бальтазар. Джоуи Эспиринс прислонился к дальней стене, скрестив руки на груди.

– У тебя назначена встреча? – обратился он к Чарли куда более громким, чем было необходимо, голосом.

Бальтазар небрежно махнул рукой.

– Ой, не говори глупостей. Это же та девушка из бара. Напомни, как тебя зовут – Шар? Шер?

– Очень смешно, – сказала она.

– Чарли! – Он шелкнул пальцами, как будто ее имя все это время вертелось у него на кончике языка. – Ты все как следует обдумала и решила взяться за работу, которую я предложил. Так и знал, что ты это сделаешь. Что ж, я снова дарю тебе свое расположение.

У Бальтазара были волнистые черные волосы и длинные ресницы, а одет он был в мешковатый черный костюм с кое-как повязанным черным галстуком поверх мятой рубашки. В лацкан его пиджака была воткнута булавка из оникса. Поговаривали, что раньше он был альтернативистом, у которого от чрезмерного использования сгорела собственная тень. Его язык до сих пор был раздвоенным, как у всех темноделов, и у основания проткнут серебряной сережкой-гвоздиком. Бальтазар имел обыкновение приходить поздно, а уходить рано и частенько забывал заплатить Одетте арендную плату за помещение. Он был из числа тощих болтунов, с которыми Чарли обычно путалась, а потом неизменно сожалела.

Джоуи Эспиринс, напротив, был маленьким, жилистым и с впалыми щеками, что говорило о плохом здоровье, возможно, о некой прошлой зависимости. Седые волосы он носил коротко – по-военному – остриженными. У него на теле было много татуировок, в том числе несколько на шее, армейские ботинки и гардероб, казалось, целиком и полностью состоящий из белых футболок, поверх которых он надевал рубашки с короткими рукавами. На Чарли он бросал взгляды, красноречиво говорящие, что умной он ее не считает. Что ж, она и сама не держит его за гребаного гения.

Чарли уперла руку в бедро.

– Я просто возвращалась с перерыва и решила уточнить, не принести ли чего из бара?

– Заботливая какая, – скептически отозвался Бальтазар, но отказываться от выпивки не стал. – Что ж, смешай мне свой фирменный «Олд фешен» с настойкой.

– На апельсиновых корках и с вишенкой?

– Вишен лучше парочку, – сказал он. – Мне нравится, когда добавляют побольше сладенького.

Хорошо сказано. Чарли пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не закатить глаза.

– А еще я хотела кое о чем спросить.

– Само собой. – Бальтазар был воплощением невинности.

Чарли вздохнула.

– Прошлой ночью я видела на улице мужчину с тенями вместо рук. Кто он такой?

– Вот ты и познакомилась с новым Иерофантом, – сказал он.

Иерофант, значит. Это одновременно и Верховный жрец из колоды Таро и должность у сумеречников. Местные теневые маги имели обыкновение собираться вместе, чтобы выбрать представителей от каждой из четырех разновидностей темноделов для членства в тайной организации с недвусмысленным названием Теневая ложа.

Все представители были хорошо известны. Первой была Наместница, альтерационистка, известная тем, что, изменив тень одного вышедшего в тираж актера, обеспечила ему триумфальное исполнение роли, благодаря которой он получил «Оскара». Она также преобразовала голову тени своего авторитетного бывшего парня, сделав ее свинячьей. Ее банда Творцов с годами разрослась и приобрела большое влияние, отчасти потому, что изменение теней было делом прибыльным.

Малик из кукловодов, если верить слухам, с помощью своей тени выкрал крупный рубин из собрания Британского музея, прежде чем там установили оникс. У Беллами, представителя масок, не было выдающейся репутации, что само по себе служило отличным показателем скрытности.

А еще был Найт Сингх. Но теперь его убили, так что придется им искать ему замену.

Теневая ложа следила за тем, чтобы сумеречники не выходили за рамки их особых законов, а также спонсировала поимку мрак, о существовании которых простым смертным надлежало знать как можно меньше.

Какому бы невезучему придурку не посчастливилось разгневать членов этого тайного общества, в наказание его превращали в Иерофанта.

– Когда я его видела, дружелюбным он точно не выглядел, – заметила Чарли. – Но, в общем, они все такие.

Присутствие Иерофанта в переулке рядом с телом Пола Экко наводило на мысль, что убийство, весьма вероятно, совершил мрак.

– Как получилось, что вы вышвырнули того парня, который прошлой ночью пытался убедить вас что-то продать от его имени? – поинтересовалась Чарли.

– Знаешь, почему этого парня называют Джоуи Эспиринсом? – перебил ее Бальтазар, кивком головы указав на своего приятеля.

Чарли лишь плечами пожала, ощутив скрытую угрозу, пришедшую на смену дружелюбной улыбке Бальтазара.

– Потому что ему нет равных в избавлении от тех, кто приносит сплошную головную боль. Вроде тебя, например. Ты отлично себя проявила, Чарли. Была одной из лучших. Возвращайся к работе, тогда и поговорим. В противном случае убирайся.

Чарли вернулась в бар и занялась приготовлением коктейля для Бальтазара, мысленно внушая себе, что убийство Пола Экко ее совершенно не касается. Выпивку он заказал самую заурядную, на чаевые поспешил. Теперь он мертв, что верно, то верно, но каждый день погибает много людей. В любом случае, книга, вероятно, у Адама.

Чарли отнесла клиентам их заказ, и тут к ней обратился парень с аккуратно подстриженной козлиной бородкой и локонами. Он требовал подать ему абсент, проделав все полагающиеся манипуляции со стружкой воды и поджиганием сахара, – причем то же самое следовало повторить и для пяти его друзей. А на противоположной стороне барной стойки обнаружился рьяный любитель виски, который хотел обсудить относительную дымность и соленость «Спейсайда»¹⁰.

Ко времени закрытия «Экстаза» Чарли собрала волосы в два взмокших от пота хвостика и обтерла шею влажным полотенцем. Бальтазар и Джоуи Эспиринс исчезли. Музыканты сидели вместе в углу с Одеттой, попивая бледно-фиолетовые коктейли «Авиация». Чарли закрыла кассу и спрятала в карман заработанные за ночь чаевые.

– Ты именно этим хотел заниматься по жизни? – поинтересовалась Одетта у одного из исполнителей.

– Нет, милая, – ответил он. – Матушка мечтала, чтобы я стал врачом.

Загружая посудомоечную машину, Чарли слышала дружный смех. Один из помощников бармена, Сэм, подметал битое стекло.

Вдруг распахнулись двери, и вошел бородатый парень в темно-зеленой рыбацкой куртке, тень которого имела форму распростертых за спиной крыльев.

– Мы уже закрыты, – крикнула Одетта, поворачиваясь на стуле и делая широкий жест рукой. – Приходи в другой раз, дорогуша.

Бородатый мужчина скользнул взглядом по Одетте и сидящим за ее столиком музыкантам-трансвеститам, затем посмотрел на Чарли.

– Мисс Дамиано? – спросил он, и она не сразу сообразила, что обращается он именно к ней. В следующее мгновение она с ужасом поняла, что это тот самый человек, который по телефону выдавал себя за покойного Пола Экко.

– Чарли Холл, – представилась она, указывая на себя.

В конце концов, здесь ведь лаунж-бар, куда ежедневно приходит много народу, да и телефоном пользуются часто. Едва ли у нее настолько запоминающийся голос, чтобы этот бородач узнал ее по нему.

Пока он целенаправленно шел к барной стойке, Чарли поняла, что он принял решение. С каждым шагом тень его становилась все больше, перья удлинялись, а затем стали наползать на Чарли, подобно туману.

Сидящие в противоположном конце комнаты исполнители ахнули, а Одетта встала так поспешно, что уронила на пол стул.

Чарли замерла на месте. Когда темная тень протянула к ней свои похожие на лезвия пальцы, она отпрянула, налетев спиной на полки, и стоящие на них бутылки протестующе зазвенели.

В следующее мгновение все исчезло, как будто и не было ничего. Тень бородачьины выглядела совершенно нормальной и неизменной. Даже не в форме крыльев.

– *Абракадабра*, сучка, – с ухмылкой произнес он, опершись рукой о поцарапанную деревянную барную стойку.

¹⁰ Марка шотландского виски, производимого на одноименной винокурне.

7

Взгляд в прошлое

До появления Рэнда Чарли и помыслить не могла, что невзлюбит кого-то пуше Трэвиса.

Рэнд был одним из маминых приятелей, также увлекающихся предсказаниями по хрустальному шару и картам Таро. Он был настроен крайне скептически, когда Алонсо «говорил» через Чарли, и в целом имел невысокое о ней мнение, поэтому Чарли удивилась, когда однажды мама объявила, что он ждет ее у них в гостиной.

– И что ему нужно? – спросила Чарли.

– Сказал, что сделал расклад и узнал нечто для тебя важное. Вот и решил сообщить тебе лично. – Мама кипятила зеленый чай в чайнике с несколькими кусочками кварца на дне – для ясности мысли. – Иди же. А я присоединюсь к вам через минуту.

Рэнд сидел на диване. Его усы казались еще длиннее, чем раньше. Кончики их с помощью воска были загнуты вверх в стиле, который сам он называл «имперским», а все остальные – «хипстерским». Одет он был в твидовый пиджак, слегка залоснившийся на локтях, и протертые на коленях брюки. Все это в совокупности придавало ему приветливый вид, нечто среднее между профессором, старомодным владельцем салуна и богатым дядюшкой Пеннибагсом из «Монополии».

Одним из его главных трюков было убеждение пожилых женщин в том, что он особенный и что они благодаря своей связи с ним тоже становятся особенными. Чарли понятия не имела, что Рэнд был мошенником, которому Алонсо спутал все карты.

– Садись, – велел он, похлопав по дивану рядом с собой, но она предпочла стул, который стоял настолько далеко, насколько, по ее мнению, было допустимо без опасения показаться грубой.

Рэнд одарил ее слишком широкой и явно фальшивой улыбкой, которую взрослые частенько нацепляют, общаясь с детьми.

– Мама, наверное, сказала, что мне нужно кое-что тебе сообщить.

Чарли никак не отреагировала, продолжая просто смотреть на него. Если жизнь с Трэвисом чему ее и научила, так это тому, что стремиться угождать взрослым совсем необязательно.

Рэнд прочистил горло, наклонился вперед и продолжил:

– На самом деле я должен передать тебе кое-что от Алонсо.

Чарли открыла было рот, чтобы возразить, но тут сообразила, что этого делать нельзя. В противном случае ей пришлось бы признать, что Алонсо не настоящий.

– Видишь ли, – внушал Рэнд, глядя ей прямо в глаза, как будто точно знал, о чем она думает. – Он пришел ко мне во сне и попросил объяснить тебе, как важно, чтобы ты мне помогла. Ты веришь в Алонсо, не так ли?

Позже она пожалеет, что не высказала никаких возражений. Увы, у нее не хватило ума сразу объявить, что, поскольку Алонсо говорил через нее, она с ним не знакома. Нужно было со слезами на глазах уверить Рэнда, как ненавистно ей служить каналом связи для колдуна, который и так уже достаточно у нее отнял. Увы, но в то время она еще не являлась мошенницей, в которую Рэнд ее в скором времени превратит.

К тому же она была слишком напугана. Чувствовала себя загнанной в угол, пойманной. Поэтому просто кивнула.

– Хорошо, – подытожил Рэнд. – В эти выходные ты пойдешь со мной на вечеринку. Скажи своей маме, что тебе очень этого хочется.

– Сексом заниматься я не буду, – сообщила ему Чарли.

На лице Рэнда появилось изумленное выражение, быстро сменившееся оскорбленным.

– Это не...

– И раздеваться тоже не стану, – добавила Чарли на случай, если он с первого раза не понял, что она имела в виду. Мать внушила ей, что, когда парни просят хранить секрет, обычно это касается секса.

– Все, что тебе нужно будет делать на вечеринке, это лгать, – злобно прошипел в ответ Рэнд. – Во вранье-то ты отлично поднаторела, не так ли?

В его устах это замечание чрезвычайно походило на угрозу. Когда мать спросила Чарли, не хочет ли она пойти с Рэндом, та уверила, что только и мечтает об этом.

Гораздо позже Чарли поймет, что матери не следовало с подобным мириться. Двенадцатилетним девочкам не пристало шляться со взрослыми дядьками, особенно малознакомыми. Но ее мать тогда много работала и была так занята, что без проблем отпустила Чарли на несколько часов в выходные.

Вечеринка проходила в Беркшире. Чарли молча сидела на пассажирском сиденье машины Рэнда, игнорируя всякие попытки ее разговорить. Он позволил ей выбрать станцию по радио и даже заехал в «Макдоналдс», разрешив заказать все, что пожелает (Чарли выбрала картошку фри и молочный коктейль). Также он поведал забавную историю о ее матери.

Как бы Рэнд ни пытался, ненависть Чарли к нему нисколько не угасла, но от поездки она получила истинное удовольствие.

Наконец, когда они ехали по обсаженной деревьями дороге мимо особняков, на многие акры отстоящих друг от друга, она сдалась и задала вопрос, который следовало бы прояснить еще до того, как села в его машину:

– Зачем вы везете меня в это место?

– В разгар вечеринки тебе нужно будет незаметно подняться на второй этаж.

Чарли посмотрела на него с недоверием.

– Хотите, чтобы я что-то украла? Что, если меня застукают?

Рэнд негромко хохотнул, как будто ее очевидный вывод был совершенно неправильным.

– Ничего подобного. И ничего противозаконного. Просто наденешь под куртку ночную рубашку и поднимешься наверх, в третью комнату слева. Помни, что никто не должен тебя увидеть. Дождешься моего сигнала и подойдешь к окну в ночной рубашке. Предваряя твой вопрос: рубашка обычная, нисколько не откровенная. Я не прошу делать ничего такого, что могло бы оскорбить твои нежные чувства.

Рэнд старался говорить легкомысленным тоном, но Чарли понимала: все не так просто.

– Зачем вам это нужно?

Рэнд не отрывал глаз от дороги. Чарли всосала через соломинку остатки клубничного молочного коктейля, сладость которого смешалась с солью на ее губах. Потом еще раз втянула воздух – просто чтобы издать ненавистный взрослым звук.

– Если хотите, чтобы я это сделала, лучше сразу все мне объясните.

Рэнд бросил на нее взгляд украдкой, как будто только сейчас осознал, какую важную роль отвел девочке.

– Представь, что просто играешь в игру. Постой несколько минут у окна, как будто ты прекрасная принцесса, а потом незаметно выскользни из дома и подожди меня в машине. Тебе даже не придется никому ничего говорить.

Должно быть, он считал, что ей семь лет, а не двенадцать.

– Как скажете, – отозвалась Чарли.

Рэнд припарковал машину у живой изгороди, вышел и, порывшись в багажнике, вернулся с пакетом из «Уолмарта», в котором лежали белая хлопчатобумажная ночная рубашка и светлый парик.

– Надевай давай, – велел он.

– Только не подсматривайте, – сказала Чарли и перебралась на заднее сиденье, где было больше места.

– И в мыслях не было, – вздохнул Рэнд.

– Посторожите, чтобы никто не увидел.

Он раздраженно фыркнул, но все же встал, прислонившись спиной к окну и скрестив руки на груди.

Чарли натянула ночную рубашку прямо поверх одежды, а затем, повозившись, сняла блузку и заправила ночнушку в джинсы. Ткань неприятно скомкалась, но иначе она никак не смогла бы спрятать ее под курткой. Затем она нахлобучила на голову парик и кое-как убрала под него выбившиеся пряди своих собственных темных волос.

Когда она вылезла, Рэнд, хмуро посмотрев на ее джинсы, начал крутить кончик усов большим и указательным пальцами, как злодей, намеренный привязать свою жертву к железнодорожным рельсам.

– Нельзя, чтобы джинсы были видны из окна.

– Ладно, – сказала Чарли.

Рэнд явно нервничал тем больше, чем скорее приближалось осуществление его плана.

– И парик ты надела неправильно, – добавил он.

– Потому что не знаю, как правильно, – возразила она. – У меня даже зеркала нет.

– Просто... – Он запнулся. – Я тоже не знаю. Дай-ка я сам попробую.

Рэнд попытался поправить парик, понижив натянув его Чарли на лоб и получше скрыв ее собственные волосы. Наконец, видя тщетность своих усилий, он сдался. Чарли подумала об одной пожилой соседке, у которой имелась целая коллекция париков и множество шпилек для волос, но Рэнд наверняка о таких хитростях даже не слышал, не говоря уж о том, чтобы иметь их при себе.

– Ладно, неважно, – пробормотал он, больше для себя, чем для Чарли.

Она снова надела куртку. Это был розовый пуховик с потрепанным и несколько спутанным искусственным мехом вокруг капюшона. Достался он ей из вторых рук, а именно, от подружки матери, у которой имелась дочь чуть постарше Чарли. Вообще, мамыны приятельницы частенько отдавали Чарли одежду, которая всегда была намного ярче и интереснее, чем выбрала бы для себя она сама.

Ее нынешний наряд несколько не соответствовал месту, в которое они приехали. Чарли поняла, что будет сильно выделяться. Внезапно ее охватило ужасное предчувствие, что Рэнд понятия не имеет, что делает. И чувство это усилилось, когда они приблизились к имеющимся в каменной стене воротам из кованого железа с вырезанными на каждой створке лошадьми.

Рэнд наклонился к расположенному сбоку коммуникатору, нажал кнопку и назвал свое имя. Створки ворот распахнулись, не заставив их долго ждать.

– А хозяева не заметят, что мы идем пешком? Это же крайне странно, – прошептала Чарли, глядя на очень длинную подъездную дорожку, ведущую к гигантскому трехэтажному особняку с крытой черепицей крышей. Стены и обрамляющие парадные двери большие белые колонны были оплетены плющом.

– Можешь не волноваться, – отозвался Рэнд, оттаскивая Чарли с дороги. – Я считаю себя эксцентричным, и это помогает объяснять любые мои поступки, какими бы странными они ни казались. Ты знаешь, что означает это слово?

– Да, – раздраженно воскликнула Чарли.

Разве не она обманула, по крайней мере, некоторых взрослых, заставив их поверить в возвращение давно умершего колдуна? Рэнду следовало бы хотя бы в этом отдать ей должное.

Он указал на поросшую редкими деревьями лужайку, расположенную в стороне от огромного особняка.

– Иди в ту сторону.

– Куда именно идти-то? – не поняла Чарли.

Он вздохнул и сунул ей в руки телефон.

– Зайдешь в дом через боковой вход и шагай на второй этаж, третья дверь слева, как я тебе уже говорил. Иди быстро, но не беги. Не привлекай к себе внимания и сама не отвлекайся. Что бы ни случилось, не вздумай звонить мне по этому телефону. Он нужен для того, чтобы я мог подать тебе сигнал. Как услышишь звонок, встанешь у окна. И не забудь предварительно снять джинсы!

Сердце Чарли бешено колотилось, пальцы похолодели от беспокойства.

– Не хочу идти туда одна.

– Я встречу тебя у боковой двери. Годится?

Рэнд с опаской оглянулся. Хотя они с Чарли стояли так, что не были видны из дома, если бы через ворота проехала другая машина, их маленькое совещание выглядело бы крайне подозрительно.

– Боюсь, я не смогу этого сделать.

Взяв Чарли рукой за подбородок, он приподнял ее лицо, заставив смотреть на себя снизу вверх, и раздраженно сказал:

– Тем хуже для тебя. Если провалишь дело, мне придется обстоятельно потолковать с твоей матерью. Так что решай.

Чарли стряхнула его руку. Он подбивал ее на совершение невысказанного поступка – проникнуть в особняк и обмануть находящихся там людей, – но лишиться доверия матери было куда страшнее.

Мама никогда не простила бы Чарли не только за обман, стоивший ей брака, или за то, что выставила себя душой перед друзьями, но и за поруганное волшебство. Чарли отправили бы к отцу на расположенную в глуши экспериментальную ферму с курами и неправильно установленным над компостной ямой туалетом. Да и его новая жена никогда бы не позволила ей остаться.

– А я скажу, что вы лжете.

– Ты ведь и сестренку втянула в свои игры, не так ли? – с ухмылкой заметил Рэнд. – Она же еще совсем маленькая и, конечно, во всем признается, стоит лишь матери посильнее на нее надавить.

– Поузи ненавидит Трэвиса, – возразила Чарли. – Даже больше, чем я.

На лице Рэнда появилось расчетливое выражение. Похоже, прежде ему не приходило в голову, зачем Чарли выдумала всю эту историю с Алонсо. Развлечения ради, возможно, думал он. Или чтобы зло подшутить над людьми – а то и выманить что-то у матери: «Алонсо говорит, что ты должна купить мне новую игровую приставку! Такова воля духов!»

Чарли пока не поняла, оказалась ли она в еще большей беде – или могло быть и хуже.

– Трэвис был придурком, – наконец изрек Рэнд.

Чарли в ответ одарила его полуулыбкой, ненастоящей, но все же лучше, чем совсем ничего. Потом зашагала к особняку, засунув руки в карманы куртки и опустив голову. Небо над ней было затянуто тучами. По дороге она сообразила, что для пушей убедительности парик следовало надеть не раньше, чем окажется наверху. Но она боялась, что не сумеет снова спрятать под него свои волосы. Кроме того, быть все время замаскированной лучше для ее же собственного блага. Если Рэнд нарвется на неприятности, ей ничего не будет грозить.

Тем не менее она нахлобучила на голову капюшон.

На лужайке сбоку дома, куда ее направил Рэнд, суетились поставщики провизии. Они уже установили палатку и разожгли гриль. Подносы, доверху нагруженные пирожными, креветками и другой снедью, которой Чарли никогда раньше не видела, отправлялись на кухню. А уж там, решила она, все разложат по более изысканным тарелкам.

Рядом с дверью имелся небольшой каменный дворик, где сидели и курили несколько официантов в черно-белой форме. Один пил кофе из бумажного стаканчика, выпуская в воздух облачка пара. Другой вполголоса переговаривался по-испански с коллегой. Чарли не поняла половины слов, потому что в школе не уделяла должного внимания занятиям, но решила, что он жалуется на парня, который был горячим и одновременно ужасным.

Хоть все и казались занятыми своими делами, она не осмелилась пройти мимо них в дом. Им хватило бы одного взгляда, чтобы понять, что ее тут быть не должно. Ее кроссовки с блестящими шнурками уже успели испачкаться – и в целом казались в нынешнем окружении совершенно неуместными.

Но и оставаться на месте представлялось опасным. В конце концов кто-нибудь заметил бы, как она прячется в кустах, погубив ее шансы проникнуть в особняк.

«Рэнд понятия не имеет, что делает», – снова подумала Чарли. Может быть, стоит достать сотовый телефон и позвонить маме? Если Рэнд вляпается в неприятности, возможно, она не поверит его наговорам.

– Эй, малышка! – услышала она вдруг его голос и вздрогнула от неожиданности. – Давай сюда. Быстро.

Оказывается, он открыл для нее дверь. Чарли заметила какое-то движение в других комнатах, но поблизости никого не было. Втянув голову в плечи и не глядя по сторонам, она юркнула в дом.

Внутреннее убранство ошеломило ее настолько, что в первое мгновение она могла лишь стоять и смотреть по сторонам. Полированное дерево. Обои в кремовую и золотую полоску. Картины в тяжелых старинных рамах без защитного стекла.

Рэнд подвел ее к лестнице.

– Не забывай о деле, – сказал он низким напряженным голосом. – Третья дверь слева. Это комната маленькой девочки. Сними все, кроме ночной рубашки. Когда я подам тебе сигнал – не раньше! – ты встанешь у окна. Оставаясь при этом за прозрачной занавеской, чтобы лицо казалось размытым, хорошо? Ты все поняла? Ни в коем случае не до моего сигнала. Постой минутку, а потом надевай куртку и убирайся из дома ко всем чертям. Твоя задача – никому не попадаться на глаза и не оставить следов.

Чарли кивнула, чувствуя себя неловко и испуганно. Она была уверена, что ее поймут, и тогда Рэнд все равно расскажет ее матери.

– Что ж, ладно, не стой тут столбом. Шагай!

Он повернулся к ней спиной и снова растворился в гомоне вечеринки. А Чарли поспешила вверх по ступенькам.

В коридоре на втором этаже царил тишина. Хрустальные подвески канделябров сверкали, рассыпая по деревянному полу разноцветные лучи.

Отсчитав третью дверь, Чарли взялась за ручку и, повернув ее, очутилась в огромной, выкрашенной в розовый цвет комнате со стоящей в центре кроватью в форме кареты Золушки. Стены были расписаны изображениями виноградных лоз.

Однако, в отличие от чистенького коридора, мебель здесь была покрыта пылью. Как будто девочка, которая когда-то спала в этой комнате, давно ушла и больше не возвращалась. А обстановка застыла во времени.

Чарли сняла куртку и аккуратно положила ее на край комода, рядом с музыкальной шкатулкой, издавшей несколько жутких звуков. Также пришлось разуться, поскольку кроссовки были грязными и оставили бы следы на лежащем на полу бледно-розовом ковре. В последнюю очередь Чарли стянула джинсы.

Мысленно она с вызовом обратилась к воображаемому Рэнду: «Видишь? Я и без твоих указаний сообразила, что нужно сделать».

Подготовившись таким образом, она пересекла комнату и, памятуя о запрете раньше времени подходить к окну, решила посмотреть, что находится за внутренними дверями. Первая вела в ванную комнату, тоже выкрашенную в розовый цвет. Ванна была отгорожена шторкой с изображением корон, а в мыльнице на краю раковины лежал высохший потрескавшийся кусок розового мыла.

За второй дверью обнаружился шкаф, такой огромный, что в нем хватило места даже для зоны отдыха с туалетным столиком. К раме зеркала цветным скотчем крепились фотографии белокурой девчушки. Хейли. Чарли разглядела ее имя, вышитое на спине розового спортивного свитера. На этом снимке девочка обнимала своих подружек, а на другом сидела верхом на огромном гнедом коне. Она выглядела счастливой. И полной жизни.

Чарли устроилась за туалетным столиком. Теперь-то она поняла, для чего Рэнд привел ее сюда.

Она представила, что он собирается сказать скорбящим родителям Хейли что-то вроде: «Посмотрите на свою дочь в окне. Хотите, чтобы она продолжила говорить с вами? Что ж, я с удовольствием помогу, но для этого мне потребуется небольшое денежное вознаграждение (парагвайский чай мате и воск для усов тоже денег стоят, знаете ли)».

Выдвинув ящичек, она нашла расческу, резинку для волос и две блестящие заколки. Чарли сняла парик и, откинув назад собственные волосы, стянула их резинкой, чтобы, когда снова наденет парик, из-под него не выбивались пряди. Затем расческой попыталась придать парике сходство с прической девочки с фотографий.

Глядя в зеркало, Чарли видела себя – и одновременно кого-то другого. У нее слегка закружилась голова при мысли о том, чтобы окунуться в иную жизнь. Примерить на себя личину другой девочки, той, которую любили так сильно, что превратили ее спальню в гробницу, где не хватало только ее иссохшей мумии.

Рэнд все еще не подал сигнала, поэтому Чарли принялась рыться в вещах Хейли. Выудила самую что ни на есть невзрачную футболку и сумку, достаточно большую, чтобы поместились и парик, и ночная рубашка. Кладя свои находки у двери, она услышала жужжание телефона, на экране которого высветилось одно слово:

«Сейчас!!!!!»

Чарли подошла к окну, следя, чтобы прозрачная занавеска отделяла ее от стекла. Она ожидала разглядеть снаружи Рэнда, руководящего происходящим, но не различила его в толпе. Долгое мгновение она думала, что никто не поднимет глаз. Потом раздался женский крик. В нем не было ни ужаса, ни страха, а лишь неприкрытое мучительное горе.

Чарли никогда не слышала ничего подобного и порадовалась, что сама она скрыта занавеской. Она не хотела слишком отчетливо видеть лицо той женщины.

Чарли вытянула руку и прижала ладонь к стеклу, решив заставить маму Хейли поверить, что дочь тоже ощущает ее присутствие. Возможно, это придаст ей силы духа.

Женщина лишилась чувств и упала, так и не оторвав глаз от стекла, а Чарли сообразила, что прошло, вероятно, больше минуты. Она отпрянула от окна и побежала к своим вещам. «Убирайся из дома ко всем чертям», – велел Рэнд. И то правда, потому что, увидев призрака, люди первым делом ринутся в ту самую комнату, где он якобы обитает.

Чарли сдернула парик и сорвала с себя ночную рубашку. Оставшись в одном лифчике, она вдруг с ужасом осознала, что ее вот-вот поймают в таком виде. В следующее мгновение она натянула через голову вывернутую наизнанку футболку, надела и застегнула на молнию куртку и поспешила к лестнице.

Но спуститься вниз не успела – с первого этажа доносился приближающийся гомон голосов. Повернувшись, она двинулась по коридору в другую сторону. Дом большой – наверняка где-то найдется туалет, в котором можно спрятаться.

Чарли обнаружила еще одну лестницу, более величественную, и по ней поспешно спустилась в вестибюль с мраморным полом. Укрыться тут было совершенно негде, но и быть пойманной она не хотела.

Метнувшись в ближайший дверной проем, Чарли очутилась в музыкальной комнате. Пол здесь бы застлан узорчатым зеленым ковром, ведущим к дивану, который выглядел одновременно слишком жестким и слишком маленьким, чтобы быть удобным. Рядом с ним стоял струнный инструмент, немного похожий на гитару, и пианино. Чарли еще пребывала в том возрасте, когда сохраняется ребяческое желание пробежать пальцами по клавишам, даже если не умеешь играть. Но она удовольствовалась тем, что погладила блестящий лаковый корпус.

– Вот ты где, – прошипел Рэнд, хватая ее за руку. – Куда запропастилась? Надеюсь, ты ничего не украла? Ладно, мне этого знать не нужно. Просто убирайся отсюда.

– Вы делаете мне больно, – пожаловалась Чарли, пытаясь вырваться.

Но Рэнд еще крепче сжал ее ладонь, а потом вложил в нее связку ключей.

– Подожди в машине.

– Меня бы поймали, если бы я делала то, что вы велели, – обиженно заявила она, злясь, что Рэнд не понял, как толково она себя повела. Но еще больше она сердилась на саму себя за то, что ожидала от него справедливости.

Он подтолкнул ее к входной двери.

– Убирайся.

Чарли глубоко вздохнула и вышла. Проскользнула мимо огромных белых колонн, спустилась по каменным ступеням. Все это время она смотрела себе под ноги, на случай, если попадется на глаза женщине, чьим ребенком притворялась, – та ведь может и запаниковать!

По дороге ей повстречалось несколько слуг, и она тут же решила, что привлекла их внимание. Некоторые гости также направлялись к выходу. Она подслушала, как мужчина сказал своей жене:

– Он мошенник. Почему она не хочет этого понять?

Чарли и сама уже об этом догадалась. С пылающим лицом она продолжала шагать вперед, пока не подошла к воротам. Пропустив выезжающий автомобиль, она поспешила следом.

Добравшись до машины Рэнда, она забралась внутрь и захлопнула дверцу. Жаль, что не умеет водить, а то бы уехала, бросив его. Может быть, в конце концов она бы за ним вернулась – или нет. И ничего бы он ей не сделал. Копов на помощь уж точно звать бы не стал.

Вдруг Чарли отчетливо осознала, какая она на самом деле маленькая – и насколько уже успела повзрослеть!

Когда наконец появился Рэнд, она ожидала, что он будет злым, как когда они находились в доме, но он ликовал.

– Ты была невероятна! – воскликнул он, с гиканьем выезжая на дорогу. – Кайф, правда? Так и знал, что у тебя талант к подобному.

– К чему? – не поняла Чарли.

– Ты такая же, как я. Прирожденная обманщица. Для этого мы и появились на свет. Как смеющиеся гиены, с улыбками на лицах мы рыщем по краю общества, высматривая слабых и медлительных.

Не дождавшись от Чарли ответа, он толкнул ее в плечо.

– Ой, ну что ты дуешься! Обиделась, что ли, из-за того, что я тебя отругал? Все потому, что напряжение зашкаливало! Когда ты на работе, некогда деликатничать. Но ты же на меня зла не держишь, так?

Чарли согласно кивнула, довольная похвалой, хоть и из уст подобного человека. Его слова вселяли надежду, что все будет хорошо. Рэнд отвезет ее домой, а произошедшее сегодня останется в памяти просто как очень странное событие. И она снова будет воспринимать его как еще одного маминого приятеля, которого нужно всеми силами избегать.

Убедив себя, что Рэнд ошибается и что нисколько они не похожи, она принялась крутить ручку настройки радио. Час спустя они остановились у многоквартирного дома, где она жила.

– Держи, – сказал Рэнд, протягивая ей двадцатку. – Заслужила.

– Спасибо. – Чарли взяла банкноту и вышла из машины. Вместе они поднялись на второй этаж.

Мать Чарли вместе с Поузи собирала пазл на обеденном столе. Рядом с ними стояла коробка с пиццей.

– Наконец-то ты вернулась, – воскликнула мама. – Уже поздно. Хорошо провела время? Чарли забыла, куда Рэнд предположительно должен был ее отвезти, но все же кивнула.

– Тогда нужно поблагодарить, – подсказала мама с многострадальной улыбкой, адресованной Рэнду. Он улыбнулся в ответ. Все как всегда: двое взрослых учат ребенка хорошим манерам.

«Что угодно, лишь бы это поскорее закончилось», – подумала Чарли, а вслух послушно сказала:

– Благодарю!

– Как-нибудь повторим, – подхватил Рэнд. – Чтобы твоя мама могла немного отдохнуть.

Пропустив его слова мимо ушей, Чарли взяла себе кусок пиццы из коробки. Мама пригласила Рэнда остаться и поесть с ними, но, к облегчению Чарли, он отказался.

* * *

Неделю спустя она была на улице, училась кататься на скейтборде и то и дело падала, в кровь разбивая колени. Тут из машины вышел Рэнд.

– Для нас с тобой появилось еще одно дельце, моя маленькая шарлатанка, – объявил он. – Шарлотта-шарлатанка. Мне нравится, как это звучит.

Чарли покачала головой, чувствуя, как все ее тело разом онемело.

– Нет? – весело переспросил он. – Да ладно тебе. На сей раз я заплачу больше. И вообще, разве у тебя есть выбор?

Она уставилась на него, открыв рот.

– Ничего вы не скажете. Я ведь знаю, что сделали вы сами. Могу вас разоблачить.

– Вот, значит, как? – Рэнд показал ей свой телефон с фотографией призрака в окне на экране. – Если прежде было мое слово против твоего, то сейчас все по-другому. У меня есть доказательства, что ты маленькая мошенница.

Чарли посмотрела на снимок, и у нее упало сердце. Лица, конечно, было не разобрать, зато рост подходящий. Да и мама знала, что в тот день она была с Рэндом.

– Но ведь это вы отвезли меня туда. Вы солгали тем людям, – запротестовала Чарли.

– О, меня она бы тоже возненавидела, – согласился Рэнд, все еще улыбаясь. – Но меня это нисколько не волнует. Кроме того, тебе было весело. В противном случае ты не отработала бы и вполтину так хорошо.

Пройдут годы, прежде чем Чарли поймет, какую уловку он использовал, чтобы заманить ее в свои сети, в зыбучие пески обмана: переход от маленького проступка к безвыходным ситуациям, в которых невозможно ответить отказом.

Начинается всегда с небольшого шантажа – однако человек все равно приложит усилия, чтобы сорваться с крючка. Для этого его попросят оказать какую-нибудь мелкую услугу: стащить что-нибудь, подделать какие-то цифры, изменить оценку, взять немного наличных из кассы – это может быть что угодно! Вот и все, человек попался. Потому что, если захочет выйти из игры, ему напомнят, что дело уже не только в той первоначальной провинности, но и в дальнейших действиях, направленных на ее сокрытие. И чем отчаяннее человек станет пытаться выкарабкаться, тем глубже увязнет.

Самый простой способ научиться водить кого-то за нос – самому побывать обманутым.

8

«Liber Noctem»

Чарли стояла как вкопанная, прижавшись спиной к барной стойке и слушая сумеречника, который скомандовал, повернув голову к Одетте и исполнителям-трансвеститам:

– Убирайтесь.

Даже самый маломощный темнодел мог заставить подчиняющуюся ему тень поднять с земли монетку. А тот, кто посильнее, и вовсе способен расплющить человеку сердце, просто дотронувшись рукой до его горла. В бытность свою мошенницей и воровкой, Чарли всеми силами старалась избегать встреч с сумеречниками.

Музыканты поднялись и поспешили мимо сцены к заднему выходу, который вел к мусорным контейнерам. Одетта последовала за ними. Оглянувшись, она одними губами что-то сказала Чарли, но та, увы, не сумела разобрать ни слова, хоть и надеялась, что это обещание позвонить в полицию. Чарли не рассчитывала, что копы проявят себя храбрецами перед лицом магии, но, возможно, их нагрудные видеорегистраторы отпугнули бы этого парня.

– Зови меня Гермес. Что у вас есть бочкового? – Он говорил с южно-бостонским акцентом.

Чарли решила, что ему за тридцать. Темноволосый, с бледной кожей и раскрасневшимися от ветра щеками. По виду – деловой парень, совсем не из тех, кто интересуется магией. И уж точно не из тех, кто сам ею обладает.

– Вы, похоже, не слышали, что сказала владелица заведения. Мы уже закрыты, – твердо ответила Чарли.

В настоящий момент тень бородача была призрачной, как луч луны. Чарли знала, что для манипуляций с тенью сумеречникам нужно прикладывать усилия, неизвестно только, насколько серьезные.

– Владелица ушла, – парировал он. – Остались только мы с тобой.

Призрачная тень, такая огромная, что в баре даже сделалось темнее, снова стала наползать на Чарли.

Чарли скрестила руки на груди, а Гермес хлопнул ладонью по стойке, заставив ее подпрыгнуть.

– Ты хоть понимаешь, что я мог бы с тобой сделать?

От нахлынувшего адреналина мыслить рационально ей было очень непросто, но она все же напомнила себе, что ее обидчик понятия не имеет, кто она такая. Что бы ни заставило его выступить против нее, он не знал, что имеет дело с Чарли Холл, занимавшейся воровством магических предметов. Он воспринимает ее лишь в качестве чрезмерно любознательного бармена. Эту роль она собиралась разыгрывать и дальше – со всем высокомерием невежества.

– Сделать со мной? Ну-у, не знаю. А на что способна ваша страаашная тень? – спросила она. – Заставить вас ненадолго зависнуть в воздухе? Стать на два дюйма выше – в случае, если я не буду щуриться? Улучшить обоняние?

Она с удовлетворением отметила, что сумела сбить Гермеса с толку – хотя бы на мгновение. Затем он фыркнул.

– Ты действительно представления не имеешь, не так ли? И даже не догадываешься?

– Вот такая я невежда, – согласилась Чарли, гордясь тем, как ровно звучит ее голос. – Например, я никак в толк не возьму, зачем вы на меня наезжаете?

Тень мужчины поползла к Чарли, просочилась сквозь тонкую трещину в деревянной барной стойке, поднялась над раковиной, потом по стойке со стаканами и пластиковыми контейнерами с гренадином и сахарным сиропом.

Все то время, что обкрадывала сумеречников, Чарли гнала от себя пугающие мысли о том, что будет, если ее застукает одна из их теней. Ей вовсе не хотелось выяснять пределы возможностей темноделов наихудшим из возможных способов. Хоть прежде ей удавалось избежать подобной участи, сделать этого теперь она не сумела. Какая ирония судьбы!

Чарли шагнула в сторону, но бар был настолько узким, что улизнуть не получилось. Она оказалась пойманной в ловушку между зеркальными полками с выпивкой, кассой и капризной машиной для приготовления капучино.

– Пол Экко, – объявил Гермес в воцарившейся тишине. – Возможно, ты последняя, с кем он разговаривал. Любил он похвастаться перед смазливymi девицами вроде тебя, каким богачом однажды станет. Быть может, даже показал тебе один редкий предмет, который собирался продать. Но, видишь ли, предмет этот принадлежит мистеру Солту. Расскажи, как Экко удалось его заполучить, и сможешь продолжить свое скучное никчемное существование и притвориться, что никогда не сталкивалась со смертью.

Лайонел-гребаный-Солт!

Чарли поняла, что Гермес понятия не имеет, известно ли ей что-либо, вот и пытается таким образом выудить интересующие сведения. Она ведь солгала по телефону, чтобы проверить его, и это сделало ее подозрительной в его глазах. За год, прошедший с тех пор, как отошла от дел, она растеряла былую сноровку и стала неосмотрительной.

– Я всего лишь налила парню выпить.

«Этому бородачу незачем причинять мне боль», – попыталась уверить Чарли себя, хоть и сомневалась, что кому-то, кто работал на Солта, понадобилась бы причина. Снова стало очень тихо, а они с Гермесом как будто разом сделали глубокий вдох.

– Знаешь, чем я кормлю эту тварь? – требовательно спросил он, отступая от Чарли – и от своей тени тоже. – Кровью. Твоя тоже может сгодиться.

Тень Гермеса каким-то образом сгустилась, настолько убедительно воспроизведя его облик и форму тела, что на миг показалось, будто он находится в двух местах одновременно. Тень предстала самостоятельной сущностью, хоть и оставалась соединенной со своим бородастым хозяином тонкой ниточкой, похожей на пуповину, – видимой, но размытой.

Теневой палец потянулся к Чарли, заставив инстинктивно отпрянуть. От его прикосновения кожу покалывало, точно от холода, послышался электрический треск, как во время грозы. Напрягшись, Чарли отшатнулась, чувствуя, как ее захлестывает волна страха – слишком мощная и парализующая, явно пришедшая извне.

Сердце ее бешено заколотилось, от осознания нереальности происходящего закружилась голова.

– Ладно, уберите от меня эту штуку. Ваша взяла, – дрожащим голосом объявила она, поднимая руки в знак капитуляции и отступая. Чтобы немного успокоиться, она прикусила внутреннюю сторону щеки. – Умеете вы убеждать. Налью я вам пива, хоть мы и закрыты.

Тень оставалась на месте.

– А ты, как я погляжу, шутница, – сказал Гермес.

Потянувшись к зеркальной полке, Чарли сняла пинтовый стакан, с трудом удерживая его в скользких от пота пальцах. Зависшая в воздухе тень покачивалась рядом, пока Чарли нацеживала из бочки лучший индийский пейл-эль, раздумывая о том, не сказать ли правду. Хотя бы частично.

– Я возвращалась домой и увидела его. Пола Экко, то есть мертвого. Я запомнила его в «Экстазе», потому и узнала. Судя по виду, с ним случилось что-то ужасное. А в новостях об этом ни слова не сказали, вот мне и стало любопытно.

– Ты лжешь, – не поверил Гермес. – Похоже, ты была с ним знакома. Потому и позвонила, пытаясь его разыскать.

– Вообще-то, я не ожидала, что кто-нибудь ответит, – возразила Чарли. – А потом решила, что, если спрошу Пола, человек на другом конце провода расскажет мне, что произошло. Я не ожидала, что вы притворитесь им.

– И этому я тоже не верю. – В его гневе отчетливо звучала нотка отчаяния, как будто ему не хотелось возвращаться к своему боссу ни с чем.

– До той ночи я вообще с Полом знакома не была, – стояла на своем Чарли, хоть по выражению лица Гермеса и понимала, что все тщетно. Ему ее непричастность к ситуации была невыгодна.

Чарли знала, что едва ли сумеет добраться до задней двери, но, возможно, попытаться все равно стоит. Она пожалела, что у нее в сумочке нет дурацкого ножа с ониксовой рукояткой. Или любой другой защиты.

– Бросай свои игры, – рявкнул Гермес. Его тень, казалось, мерцала по краям, как будто была соткана из темного огня. – Каким-то образом ты во всем этом замешана. Так что, когда в следующий раз откроешь рот, следи за тем, что болтаешь.

Итак, он уже решил, что хочет услышать, а значит, останется глух ко всему прочему. Так что выбор у Чарли невелик: либо попытаться спастись бегством (и потерпеть неудачу), либо заставить его поверить в хорошую историю.

Гермес хотел заполучить «Liber Noctem» для своего босса и полагал, что у Пола Экко было много больше одной-единственной страницы, которую он намеревался продать. Чарли решила, что теперь этим добром завладел убийца Экко.

Она могла бы сообщить о том, как Экко просил Бальтазара сбыть имеющуюся у него страницу, но подозревала, что Гермес успел сам поговорить с Бальтазаром, который ее и выдал, по крайней мере отчасти. В конце концов, Гермес, по-видимому, ни капельки не сомневался, что звонила именно она.

Чарли подтолкнула стакан пива через стойку и демонстративно вздохнула.

– В «Экстаз» Пол пришел не один, – солгала она. – С ним был другой парень, и я слышала, как они говорили о целой книге. Это полезные сведения?

Гермес не упоминал о книге напрямую, так что, возможно, сочтет ее заявление убедительным. События в самом деле могли бы развиваться по такому сценарию, если Пол действительно сбывал фолиант вместо Адама.

– Ты уверена, что пришедший с ним был человеком? – уточнил Гермес.

– Думаю, да, – уклончиво ответила она, задаваясь вопросом, кто еще, по его ожиданиям, мог быть замешан в этом деле. Вдруг кто-то действительно разговаривал с Экко в ту ночь?

– Эдмунд Карвер, – объявил Гермес. – Так его Пол называл?

Чарли колебалась. Если бы она ответила утвердительно, он, несомненно, был бы доволен. Но она понятия не имела, о ком речь, и не сумела бы при необходимости описать его внешность. Поэтому снова покачала головой:

– Имени я не слышала, а его тень не показалась...

Тень Гермеса со всей силы залепила Чарли оплеуху, лишив равновесия. Чарли ударилась бедром о раковину, ноги ее подкосились, и она упала на четвереньки на кафельный пол.

– Не лги мне, – рявкнул Гермес.

Чарли разом осознала несколько вещей: пол липкий и воняет разлитым перестоялым спиртным, щеку покалывает от полученной пощечины, а от происходящего бросает в ужас. И самое главное – бейсбольная бита, которую по настоянию Одетты держали за стойкой, под ледогенератором, находится вне пределов досягаемости.

Чарли поползла в ту сторону. Ей казалось, что время одновременно замедлилось и ускорилося.

Над ее головой промелькнула тень бородача, ударившая своим эфемерным кулаком по полке с бутылками, и они дождем посыпались вниз.

Чарли машинально прикрыла голову руками. Полупустая бутылка стукнула ее по плечу, еще несколько разбилось рядом, осыпав ее осколками брызнувшего во все стороны стекла, забивающимися в складки одежды и обжигающими кожу. По полу разлилась большая лужа спиртного.

Сжимая руками биту, Чарли вскочила на ноги, дрожа от адреналина, страха и ярости.

За неимением хороших идей приходится довольствоваться плохими. Вот уж поистине девиз Чарли Холл, который, вероятно, вырежут на ее надгробии.

Она атаковала тень, но бита прошла сквозь призрачную форму, не причинив вреда. Сама Чарли по инерции подалась вперед и едва не упала.

Гермес хихикнул. Он успел отступить от барной стойки и теперь наблюдал со стороны, как будто в разыгрываемом спектакле был простым зрителем, а не режиссером.

– Ну, ты прямо фейерверк! Что ж, даю тебе последний шанс. На этот раз говори правду. Кто дал Экко страницу из той книги?

Чарли почувствовала, каким густым сделался воздух.

– Да ты не узнал бы правды, даже если бы она засунула язык тебе в задницу, – фамильярно отозвалась она, стараясь как можно достовернее изобразить усмешку.

На сей раз тень вцепилась ей в горло, и у Чарли возникло ощущение, что она тонет. Ее легкие как будто наполнились чем-то, что было тяжелее воздуха и что не получалось выкашлять.

Задышавшись от атаки тени, она в панике схватилась за шею, но ее крики остались беззвучными. Тень проникла внутрь ее и теперь струйками вытекала изо рта, носа и глаз. Зрение ее затуманилось – то ли из-за недостатка кислорода, то ли из-за присутствия инородной сущности.

На мгновение Чарли показалось, что она покинула свое тело и, глядя на него со стороны, отмечает, как начинают синеть губы. Как она задышавшись, задирая подбородок вверх, – будто тонет и пытается держать голову над волнами.

Разлепив веки, Чарли обнаружила, что лежит на плитках пола. Она снова обрела способность дышать, хотя делать это было больно.

Чарли подняла глаза к висящему на потолке зеркальному шару и увидела фигуру, стоящую позади Гермеса и сжимающую ладонями его горло. Отражения были размытыми, поэтому она не смогла опознать второго человека. Должно быть, его появление заставило Гермеса отозвать свою тень.

Чарли начала медленно отползать по усыпанному осколками полу, говоря себе, что, когда доберется до открытого пространства зала, бросится к задним дверям, распахнет их ударом плеча и будет такова. И ни разу не оглянется.

– Нынче вечером ты слишком долго позволял своей тени питаться. – Она не поверила своим ушам, услышав голос Винса. Мягкий и угрожающий, он звучал совсем не так, как обычно. Винс без труда удерживал извивающегося Гермеса. – От тебя самого мало что осталось. Чувствуешь напряжение? Как будто из тебя что-то вытекает? – Гермес сдавленно хрипел, дергаясь и отчаянно пытаясь вырваться. – Теперь это уже не имеет значения.

Чарли с трудом узнавала своего парня, стоящего посреди пустого клуба и продолжающего душить противника.

Затем раздался звук, похожий на треск мокрой ветки.

У нее перехватило дыхание.

Отражаясь в дюжине крошечных зеркал, бородач безвольно повис в руках Винса.

9

Взгляд в прошлое

Чарли занялась карманными кражами, как будто именно для них ее пальцы и были созданы. В двенадцать лет Рэнд отправил ее учиться к отставной фокуснице, которая во время своих выступлений виртуозно воровала у зрителей кошельки и часы. Теперь каждый вторник и четверг после школы Рэнд подвозил Чарли к дому мисс Престо.

– Она будет брать уроки игры на фортепиано, – сказал он маме Чарли.

Мисс Престо курила, и весь ее дом провонял сигаретным дымом. Жила она в крошечном, даже без заднего двора, особнячке в Лидсе, под завязку набитом антикварными памятными вещицами. Среди прочего у нее имелся даже робот-автомат, некогда стоявший в универмаге, а теперь задвинутый в угол комнаты. На голове у него красовалась шляпа-цилиндр, а часть лица отсутствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.